

Священник
Алексий Бекорюков

Был ли святым
«СВЯТОЙ» Франциск
Ассизский?

Священник
Алексий Бекорюков

Был ли святым
«СВЯТОЙ»
Франциск
Ассизский?

Приход храма Св. Духа сошествия
на Лазаревском кладбище

Москва 2014

УДК 242
ББК 86.372
Б426

Допущено к распространению Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 13-307-1535

Религиозное издание

Алексий Бекорюков, свящ.

Б426 Был ли святым «святой» Франциск Ассизский.— М.:
Местная религиозная организация Православный приход
храма Святого Духа сошествия на Лазаревском кладбище гор.
Москвы Московской епархии Русской Православной Церкви
(Издательство Сестричества во имя святителя Игнатия Ставро-
польского), 2014. — 80 с.

Как понимается «святость» с точки зрения католи-
ческой церкви? Насколько сопоставим образ свя-
того православного и того, кто причислен к лику
святых католиками? Попыткой ответить на эти во-
просы и стала эта работа.

УДК 242
ББК 86.372

Формат 84х108/32. П. л. 2,5. Тираж 4 000 экз. Заказ № 406
Местная религиозная организация Православный приход храма
Святого Духа сошествия на Лазаревском кладбище гор. Москвы
Московской епархии Русской Православной Церкви: 129272,
Москва, ул. Советской армии, 12, стр. 1 и 2.

Отдел реализации: (495) 689-15-54.

Отпечатано в типографии Патриаршего Издательско-Поли-
графического центра Свято-Троицкой Сергиевой Лавры:
141300, г. Сергиев Посад.

© Бекорюков А., свящ., текст. 2014

© Оформление. Местная религиозная
организация Православный приход
храма Святого Духа сошествия на
Лазаревском кладбище гор. Москвы
Московской епархии Русской Пра-
вославной Церкви. 2014

Предисловие

Святость... Состояние души человеческой, которое представляется чем-то далеким и недостижимым. И вместе с тем стремление к святости есть нормальный образ жизни христианина.

Как достичь святости? Как обрести спасение? Ответам на эти вопросы посвящены фактически все святоотеческие творения — ведь именно обретение спасения и достижение Царства Небесного является целью человеческого бытия. И Православная Церковь на примере своих святых предлагает нам путь, шествуя по которому, мы сможем достичь завещанного нам Спасителем Царствия Небесного.

В последние годы все чаще слышатся голоса иностранных проповедников и миссионеров, предлагающих нам свой путь спасения. Среди них наиболее весомо выглядит проповедь представителей Римо-католической церкви, имеющей, в отличие от «новорожденных» сект, многовековую историю.

Автор этих строк, наблюдая постоянно возрастающие масштабы прозелитизма католиков в России и странах бывшего Союза, решил исследовать вопрос: как понимается в католицизме спасение,— причем не с догматической точки зрения, а именно с практической стороны.

Какие средства предлагает католическая церковь для достижения спасения? Как человек использует эти средства? Как понимается «святость» с точки зрения католической церкви? Насколько сопоставим образ святого православного и того, кто причислен к лику святых католиками?

Попыткой ответить на эти вопросы и явилась данная работа, которая, надеюсь, сможет утвердить в Православии некоторые сомневающиеся сердца, а иным — явиться подспорьем в вопросах полемики и апологетики.

В завершении хотелось бы выразить огромную признательность и благодарность преподавателю Православного Свято-Тихоновского Богословского института Дионисию Викторовичу Новикову, который давал мне множество ценных советов при написании работы.

Священник Алексей

Хотя начало отступления
произошло через раскол,
но отступившие от Церкви
уже не имели на себе
благодати Святого Духа.

Святитель
Василий Великий

Внаши дни, когда христианский мир, находящийся в разделении вот уже почти тысячу лет, скорбит об этом, повсюду слышатся голоса, заявляющие о необходимости вернуть потерянную связь и отношения между христианами различных исповеданий.

Разумеется, самый факт разрыва евхаристических и молитвенных отношений между Церквями воспринимается верующими как нечто противоестественное, ибо все мы прекрасно помним завет Господа, который оставил Он нам в конце Своей земной жизни: *Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино* (Ин. 17, 21).

Разумеется, мы, православные, скорбим об отпадении западной братии, происшедшем вот уже более девяти столетий назад; конечно же, мы всею душою жаждем их обращения и возвращения в лоно Единой Апостольской Матери-Церкви.

Так в чем же дело? Какие препятствия стоят на пути нашего сближения? Согласуем догматы, уладим отношения в канонических разногласиях; различные же чины богослужения и обряды — отнюдь не причина для разрыва. За чем же дело стало?

Причины на самом деле более глубокие и очень серьезные — и не только догматического или внешнего, обрядового и канонического, характера, но и внутреннего, духовного, который называется аскетикой и прямо вытекает из догматической системы той или иной христианской конфессии.

И даже если нам, православным, удастся согласовать с католиками все основные разногласящие или даже противоречащие друг другу определения в области догматики, канонического и церковного права (что, впрочем, если и возможно, то лишь на словах, о чем свидетельствует весь опыт церковной истории), то как раз с внутренней, духовной жизнью всё обстоит гораздо сложнее.

Судите сами: можно ли с легкостью отказаться от той молитвенной практики, тех методов духовной жизни и аскезы, которые были накоплены в течение многих веков, несколькими десятками поколений? Это — внутреннее, и, если угодно, уже ставшее врожденным, потому-то и оставить его, сменить — раз и навсегда, внезапно начать жить по-другому — дело немыслимое и невозможное.

А сменить надо, необходимо! Ибо различия между православными и католиками в этой области настолько существенны, что бросаются в глаза каждому, кто хоть как-то сталкивался с подобного рода вопросами, кто хотя бы в самых общих чертах знаком со святоотеческим учением о молитве и духовном делании.

И попытка объяснить эти глубочайшие разногласия, доходящие до противоположностей в са-

мой сердцевине духовной практики, с помощью утверждения специфичности национального темперамента и этнических особенностей людей данной местности (что пытаются делать некоторые современные богословы) является совершенно нелепой и абсурдной.

И, конечно же, когда речь идет о внутренней, сокровенной практике духовной жизни, необходимо исследовать ее на примерах жизни святых, ибо именно святые являются полноценными выразителями церковной истины жизни, именно святые — провозвестники учения Церкви и выразители ее идеалов, именно они — вожди народа и образцы для подражания, именно они — в полноте вобравшие и воплотившие в своей жизни тот молитвенно-аскетический подвиг, учение о котором содержит их Церковь.

* * *

Поэтому данная работа имеет целью провести, насколько возможно, подробный анализ духовной практики католицизма на примере одного из святых Западной церкви — Франциска Ассизского.

Этот подвижник выбран для рассмотрения его жизни и деятельности, а главное — мистики, как один из известнейших и глубоко почитаемых во всем западном мире католических святых.

Далее необходимо будет увидеть общие черты мистики Франциска и его последователей и духовных чад, также достигших, по мнению католиков, величайшей святости, и показать, что подобного рода практика духовной жизни является никак не

исключением в католическом мире, а, напротив,— нормой и идеалом.

В завершение же всего мы попытаемся сделать вывод о том, каковы исходные причины, породившие столь болезненные отклонения от норм правильной духовной жизни, которые в свою очередь также будут указаны.

В предшествующий период истории, к сожалению, довольно мало было написано работ, сопоставляющих опыты молитвенного делания православного Востока и католического Запада.

Среди уже имеющихся надо отметить в первую очередь глубокие исследования по этому вопросу святителя Игнатия (Брянчанинова), содержащиеся в его «Аскетических опытах» и письмах, затем — «Мистическую трилогию» М. В. Лодыженского (часть 2-я которой — «Свет незримый» — принесла автору при написании данного очерка большую пользу), а также заключительную главу из книги А. Ф. Лосева «Очерки античного символизма и мифологии».

Хороший сравнительный анализ мистики Франциска Ассизского и преподобного Серафима Саровского проведен в вышеупомянутой работе Лодыженского, однако, к сожалению, недостаточный объем фактического материала, взятого автором для рассмотрения, не дал возможности ему полностью обосновать свои выводы.

Данная же работа, привлекая дополнительные источники о жизни Франциска, в том числе — его собственные сочинения, а также святоотеческие аскетические творения, ставит своей целью на основании более подробного анализа сделать впол-

не обоснованные выводы о мистике ассизского подвижника и закономерности ее в католическом мире.

Большая роль, как уже отмечалось, отведена в работе первоисточникам; некоторые же факты биографии католического святого были почерпнуты в книге Лодыженского, что, впрочем, отнюдь не умаляет их достоверности, ибо автор, сам пользовавшийся в своей работе первоисточниками и дающий их перечень, приводит в тексте пространные цитаты из них.

Наиболее же богатый фактический материал, используемый в данной работе, взят из сочинений самого Франциска Ассизского и книги «Fioretti» («Цветочки святого Франциска Ассизского»), причем достоверность рассказов последней не вызывает сомнений даже у современных католических богословов и латинофилов, награждающих ее красочными эпитетами: «Нет ни одного слова неправды в чудесной и святой книге — «Цветки св. Франциска». Святая эта книга... потому что писал ее через избранника Божия (как евангелиста) Дух Святой. Об этом говорит, прежде всего, святость благоуханного изложения... Все в этой книге духовно... но ничего здесь лишнего нет, всё необходимо» [1].

* * *

Итак, перейдем к изложению поставленной задачи. Но прежде чем сосредоточить свое внимание на самом главном — духовной практике Франциска,

[1] — 6, с. 321–322.

необходимо сделать некоторые вступительные замечания касательно эпохи, в которую он жил, а это был крайне непростой период в жизни католической церкви — конец XII — начало XIII столетия.

Сами «Цветочки» свидетельствуют об этом времени так: «Бесконечное одиночество охватило верующего человека раннего средневековья: отчаяние в себе столько же, сколько в церкви. Казалось, мир вернулся опять к тому состоянию, в котором был до пришествия Христова, с тою лишь разницей, что приходилось ожидать уже не кроткого Сына Человеческого, но грозного Судию».

В эпоху, предшествовавшую появлению Франциска, положение Западной церкви было удручающим: «Отовсюду ужас, отовсюду опасность, извне — меч, внутри — ересь и подкуп».

Повествуется «о пороках и преступлениях духовенства и монашества, о равнодушии и безбожии мирян, о забвении всех начал церковной дисциплины и нарушении всех заповедей» [2].

«Жажда наживы, искание земных благ сделалось обычным явлением в католическом духовенстве. Пришло к тому, что церковь католическая, ставшая на Западе между человеком и Богом, в сущности скрывала Божество от лица людей. В этой церкви продавалось все, начиная с отпущения грехов и кончая кардинальской шапкой» [3].

Официальная религия в душах верующих представлялась наглой карикатурой на Евангелие. Священники превратились «в жадных волков, не щадивших собственные стада... многие аббаты

[2] — 2, с. IV–V. [3] — 18, с. 89.

жили как бандиты, а епископы были подобны веселым забиякам...

Папы, за немногими исключениями, подавали примеры насилий и беззаконий... Папа открывает двери храма торговцам, сам обращается в торговца, продавая все, на что только есть спрос: церковные должности, духовные блага, земные короны, священное и мирское, землю и небо, не беспокоясь о том, кто является покупателем» [4].

«Едва ли было когда-нибудь так мало добра на земле, как в века, предшествовавшие рождению святого Франциска Ассизского». Люди «не верили в возможность улучшения римского духовенства при той степени нравственного его разложения, в какой оно находилось» [5].

Потому-то в западном мире той эпохи церковь приравнивалась к блуднице, ее служители — к служителям блуда и скверны, и отвергались даже совершаемые католическими служителями таинства [6] — и это несмотря на юридическое латинское учение о действительности совершаемых таинств «*ex opera operato*», то есть что таинство при правильно соблюденной форме (произнесении правильно рукоположенным священником тайносовершительной формулы и при намерении приступающего к таинству принять его) — совершается несомненно.

И именно вследствие всего вышеуказанного «в то время самые лучшие сердца католического мира обращались к Востоку, мысленно вопрошая

[4] — 4, с. 15–17. [5] — 4, с. 18. [6] — 2, с. VI.

себя, не придет ли греческая Церковь очистить все это зло и собрать наследство сестры своей» [7].

Все это, как утверждают сами католики, произошло из-за утраты «чувства Христа, пребывающего в мире», что приводило «к непрерывным, народным и личным, попыткам найти Христа, восстановить утерянную связь с Ним — в церкви или вне ее, с нею или вопреки ей. Но целостный и благодатно полный образ Христа казался утерянным безнадежно» [8].

И вот, в XIII-м столетии «христианство явилось в мир, чтобы исцелить его, и лечило единственным возможным способом».

Вплоть до этого времени, по мнению западных мыслителей, длилось искупление. Его-то и совершил Франциск, став, как утверждают католики, «вторым Христом, дарованным миру для спасения людей», зеркалом Христа, Которого вполне возможным стало рассматривать в свете Франциска [9].

Где родилось, откуда взяло свое начало столь странное и кощунственное уподобление? Является ли оно вымыслом отдельных католиков или закономерным следствием всей жизни католической церкви? Необходимо выяснить причины возникновения подобного утверждения. Для этого отметим вначале основные этапы жизненного пути западного святого.

* * *

Известно, что в дни юности Франциск с увлечением предавался радостям светских утех [10]. Буду-

[7] — 18, с. 88, 89. [8] — 2, с. V-VI. [9] — 3, с. 22, 25. 1, с. 275. 2, с. 25. 3, с. 70, 71. [10] — 18, с. 89.

чи воспитанным на рыцарских романах и поэзии трубадуров, которая, между прочим, «состояла не из одних только любовных пошлостей», но «война прославлялась в ней с диким увлечением» [11], с самого раннего детства начал он мечтать о подвигах, славе и чести [12].

Заметим здесь, что увлечение поэзией трубадуров не прошло бесследно: через несколько лет по основании Франциск своего Ордена он «читал достойнейшим из своих учеников произведения трубадуров — учителей своей юности» [13]. А поскольку трубадуры «возбудили героические мысли и чувства» [14], то Франциск, жажда этой славы, пытался ее приобрести (или заработать) любым способом, жадно ища первой представившейся возможности.

Так, уже в детстве он был вожаком местной ватаги ребятишек [15], руководил пирушками и вечеринками, будучи избран «королем» праздника.

И в этой далеко не безупречной и не благочестивой компании, где каждый стремился показаться хуже, чем есть на самом деле, Франциск считал своим долгом превзойти своих сверстников-собутыльников в невоздержной жизни [16].

«Он был очень весел и достаточно легкомыслен. Смех и песни, серьезное обсуждение программы предстоящего пиршества или нового наряда, бросание отцовских денег полными горстями — таковы были занятия Франциска, если только, в свободное время, он не погружался в уединенные

[11] — 4, с. 9. [12] — 1, с. 8-9. 3, с. 29, 30. 18, с. 90. [13] — 4, с. 47. [14] — 4, с. 10. [15] — 3, с. 29. 5, с. 18. [16] — 18, с. 91.

размышления или не утопал в смутных романических планах...

Он оставался щеголем с головы до пят, предполагая стать со временем героем и чувствуя, что будет им» [17]. Поощрение же подобного поведения родителями Франциска, гордившимися его блеском, славою и успехами, приводило к тому, что будущий «святой» заявлял напрямик ни больше ни меньше как следующее: «Будет день, когда весь мир преклонится предо мною» [18].

* * *

Франциск долго размышлял над тем, как ему прославиться, и упорно искал возможности — буквально спал и грезил мыслями о славе и чести.

Наконец, случай представился: началась война родного города Франциска — Ассизи — с Перуджей. Явившееся ему в эти дни сонное видение боевых порядков и воинских доспехов стало последней точкой в его поисках и мечтаниях, и он, воспитанный на идеале рыцарства, возомнил себя таковым и ринулся в бой.

Жажда славы и популярности, а также мания величия были непреодолимы и возымели над Франциском такую силу, что последние слова убегающего на войну юного рыцаря были таковыми: «Я вернусь великим вождем» [19].

Потерпев на войне первое поражение, Франциск не отчаялся, и вскоре вновь решил примкнуть к одному рыцарю в поисках славы.

[17] — 4, с. 12. [18] — 7, с. 29. 18, с. 90, 91. [19] — 3, с. 35.

Но внезапно происшедшее событие изменило его планы. Очередное постигшее его во сне видение дало ему уразуметь, что он неправильно понял предыдущее: слава, которую обещал ему таинственный голос, была, как оказалось впоследствии, несравненно выше той, которую он себе представлял вначале.

А покуда, разочарованный и печальный, не приобретший того, о чем так мечтал, Франциск возвращается в Ассизи. Ему стало невыносимо от того, что все его планы и мечты о воинской славе и признании в обществе рухнули, и через некоторое время он начал долго и продолжительно молиться перед Распятием (об образе молитвы Франциска будет сказано ниже).

«Долгие молитвы воспаляли его — и от Распятия исходили голоса, пространство наполнялось видениями. Он дрожал и тосковал после этих приступов» [20].

Во время одной из таких молитв, пребывая в состоянии экзальтации и восторженности, да еще и успев к тому времени подхватить лихорадку, Франциск вновь слышал некоторый голос, на сей раз призвавший его к реставрации отмирающей и рушащейся католической церкви [21].

И тут он понял, что несравненно большую славу он сможет получить от Бога, и еще в этом мире, нежели от походов, пирушек и искания почестей среди людей.

Осознав, где, в какой области, он сможет добиться, заслужить максимум почестей и славы, о которых он столь страстно мечтал, Франциск, не

[20] — 4, с. 21. [21] — 1, с. 9. 3, с. 35-37. 4, с. 20.

раздумывая, окунулся в эту сферу деятельности с головой [22].

* * *

С чего же начал Франциск свой новый, «подвижнический» образ жизни? Необходимо хотя бы вкратце проследить, как развивалось стремление к славе и честолюбие тогда еще юного ассизца, чтобы понять, каким же образом он впал в то, что святитель Игнатий (Брянчанинов) назвал «ужаснейшей бесовской прелестью» [23]...

Проявив незаурядную смелость и ревность, двадцатитрехлетний Франциск начал вести иную жизнь, сменив одну крайность на другую.

Здесь чрезвычайно важно отметить тот факт, что свой жизненный путь ассизский подвижник определил себе сам, не имея ни наставника, ни духовного руководства.

В дальнейшем мы увидим, что на нем сбылись слова преподобного Иоанна Лествичника: «Кто вначале не жил в повиновении, тому невозможно приобрести смирения; ибо всякий, сам собою научившийся художеству, кичится» [24].

Сразу же после ухода из отчего дома Франциск стал проповедовать, причем «мысли излагались в беспорядке... Было больше жестов, чем слов. Он проповедовал всею своею фигурой, непрерывно находившейся в движении, прерывая рассуждения пламенными жестами и кивками головы, плачем, смехом, мимическим выражением мыслей, когда не хватало слов». При этом «очи

[22] – 3, с. 37. 18, с. 95, 96. [23] – 13, с. 242. [24] – 8, 26:72.

слушателей омывались слезами... сердца прыгали в груди» [25].

Не будучи знаком ни с какими заветами и наставлениями Святых Отцов древности, Франциск самовольно взял на себя подвиг юродства, намеренно облачаясь в лохмотья, выпрашивая объедки на пропитание себе, бродя по улицам в поисках камней для постройки церкви и провоцируя людей на унижение себя [26].

Разумеется, видя, что творится с Франциском, не выдержал отец его — Пьетро Бернардоне, и однажды, увидев, как сына, грязного и нищего, забрасывают камнями и глиной, по-отечески наказал его.

Спустя немного времени, Франциск на суде, организованном в связи с совершенной им кражей отцовских денег, публично отрекается от родителя и уходит из мира [27].

Впоследствии побег из отчего дома и отречение от родителей Франциск устроил и для будущей своей духовной дочери, «растеньица» Клары [28].

* * *

Как было замечено выше, в эту эпоху в западном мире наступило ощущение полной утраты Господа. И именно на этом фоне ассизцем овладела идея подражания Христу, но подражания, как мы увидим, чисто внешнего.

Именно здесь зародилось то, что впоследствии было названо «добродетелью святейшей бедности» [29], то есть подражание Христу в нищете, подражание жизни и бедности Христа, в ко-

[25] — 4, с. 25, 26. [26] — 1, с. 10. 5, с. 21, 22, 27, 28. 18, с. 101. [27] — 1, с. 10. 3, с. 37, 38. 18, с. 100. [28] — 5, с. 33, 39. 3, с. 68. [29] — 2, с. 43.

тором Франциск, по его словам, укрепился до самого конца [30].

Подражание Иисусу Христу стало сущностью жизни Франциска, основой его монашеского призвания [31]. В чем же заключалось, какой характер имело подражание Христу у Франциска?

Подражание это выражалось в чисто внешних проявлениях — ассиизский подвижник стремился уподобиться Иисусу Христу по наружности, совершая поступки, подобные тем, что творил во время Своей земной жизни Господь.

Так, Франциск, так же, как и Христос, избрал себе двенадцать учеников и посылал их по двое для проповеди в мир [32] (ср. Мк. 6, 7), «превращал» воду в вино [33], устроил последнюю вечерю, сделав ее во всем похожей на Тайную Вечерю, совершенную Господом [34].

Немаловажным является и факт возникновения на теле Франциска так называемых стигматов — кровоточащих ран — на руках, ногах и в боку (как у Христа), свидетельствовавших о якобы «сомучении» Христу [35]. Благодаря этим стигматам, находясь уже на смертном одре, Франциск «казался Христом, вновь снятым с Креста» [36].

Более того, Франциск, как он сам говорил, посвятил свою жизнь исполнению одного лишь желания — пострадать за других и искупить чужие грехи [37].

Характерным примером здесь является «Молитва о мире» Франциска — в ней наглядно

[30] — 1, с. 273. [31] — 1, с. 275. [32] — 2, с. 3, 40, 75. 18, с. 120-121. [33] — 7, с. 29. [34] — 7, с. 29. 18, с. 112, 121. [35] — 2, с. VIII. 3, с. 78, 79. 18, с. 108-110. [36] — 7, с. 29. [37] — 1, с. 20.

наблюдается самоотождествление ассизца со Спасителем. «Даруй мне заронить любовь в сердца злобствующих, принести благодать прощения ненавидящим, примирить враждующих. Даруй мне осветить истиной души заблуждающихся, укрепить верою сомневающих, озарить светом Твоего разума пребывающих во тьме. Даруй мне возродить надеждой отчаявшихся, одарить радостью скорбящих» [38].

Для сравнения — «Молитва о мире» из православного «Требника»: «Благодарим Тя, Владыко Человеколюбче, Царя веков и Подателя благих, разрушившаго вражды средостение и мир подавшего роду человеческому, даровавшего и ныне мир рабом Твоим; вкорени в них страх Твой, и друг ко другу любовь утверди; угаси всяку распрю, отыми вся разгласия соблазны. Яко Ты еси Мир наш, и Тебе славу возсылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веков, аминь».

Православный молится о том, чтобы именно Бог даровал мир и озарил любовью сердца людей; Франциск же эти свойства стремится присвоить себе.

Благодаря этим свидетельствам и отдельным фактам биографии Франциска сложилось о нем вполне закономерное всей его жизни мнение близких ему людей и последователей его о том, что он стал «другим Христом, дарованным миру для спасения людей» [39], что в нем Христос вновь воплотился, став Сыном Человеческим [40]. А вскоре

[38] — 1, с. 267. [39] — 2, с. 6, 25. [40] — 2, с. XIX. 7, с. 30.

после кончины Франциска возникло «евангелие», благовествующее о нем (так были названы «Fioretti») [41].

* * *

Посмотрим теперь, в чем же состоит истинное подражание Иисусу Христу, о чем свидетельствуют Святые Отцы.

Преподобный Симеон Новый Богослов отвечает на этот вопрос следующим образом: «Подобие Христу составляют истина, кротость, правда, и вместе с ними смирение и человеколюбие». И человека, стяжавшего сии качества, Бог делает (именно Бог, а не сам человек!) «чистым, целомудренным, праведным, мужественным в искушениях, мудрым в Божественном, сострадательным, милостивым, щедрым, человеколюбивым, благим,— настоящим христианином, носящим образ Христа... Подобие сие,— заключает он,— водворяется чрез исполнение заповедей» [42].

Ему вторит святой Петр Дамаскин: «Ищущий Христа должен Его искать не вне, но внутри себя, то есть телом и душою быть как Христос, безгрешным по возможности человеческой» [43].

А преподобный Амвросий Оптинский выделяет в вопросе о подражании Христу три элемента: во-первых, быть милосердным, то есть сострадательным и снисходительным, прощая людям все недостатки, обиды и досады; во-вторых, проводить святую жизнь, то есть хранить целомудрие и чистоту телесную и душевную относительно всех

[41] — 2, с. XXIX. [42] — 12, т. 1, с. 31, 264. [43] — 13, с. 102.

страстей; и в-третьих, стремиться к совершенству, которое состоит в глубине смирения; то есть, видя высоту, на которую надо подняться, все свои дела и труды почитать за ничто [44] (ср. Лк. 17, 10).

Преподобный же Иоанн Лествичник говорил, что «удивляться трудам святых есть дело похвальное; ревновать им спасительно; а хотеть вдруг сделаться подражателями их жизни есть дело безрассудное и невозможное» [45].

Если так сказано о подражании жизни святых, то чему можно уподобить подражание жизни Самого Господа?..

* * *

Теперь попытаемся исследовать, а исследовав,— систематизировать основные черты аскетики и мистики Франциска Ассизского и его ближайших учеников, также признанных католическою церковью великими святыми.

Первое, чему счел необходимым посвятить свою жизнь бывший юный рыцарь, обратившийся к вере всего-навсего четыре года назад — это проповедь христианства в миру, апостольское служение, возрождение церкви [46]. В дальнейшем это стало правилом жизни и целью существования Ордена, им основанного [47].

Монашество в миру, по мысли Франциска, необходимо было утверждать, несмотря ни на какие искушения, ибо такая жизнь «лучше и более ценна в очах Господа, чем пустынножительство» [48].

[44] — 16, с. 5, 6. [45] — 8, 4:42. [46] — 18, с. 102, 103. [47] — 3, с. 62. [48] — 1, с. 12, 188.

Пошел он на такой шаг, не имея ни духовного руководства, ни знания опыта святых, исходя исключительно из собственного понимания христианства, точнее — полного непонимания его, как и всей духовной жизни. Ибо ниоткуда не видно, чтобы он был знаком с аскетическим наследием Церкви. Эта самостность является одной из самых очевидных и характерных черт его жизни.

Что мы здесь видим? Не что иное, как полное забвение смысла монашеского жительства! Ведь если мы посмотрим, что по этому поводу говорили Святые и опытные Отцы, не раз-другой как-то невзначай услышавшие о монашестве, но им и в нем жившие, то увидим нечто совершенно противоположное тому, о чем учил Франциск.

Так, преподобный Исаак Сирин, однажды приглашенный к себе живущим в миру духовным братом, отписал ему отказ, мотивируя его тем, что стоит ему выйти в мир из кельи своей, как настигнет его гибель души [49]; сравнивал монаха, вышедшего из монастыря, с рыбой, вынутой из воды [50], а также — с ягненком, бегающим посреди волков [51].

С такой рыбой, умирающей на суше, сравнивает выходящего из монастыря монаха и сам преподобный Антоний Великий, основатель монашества [52].

Впрочем, что Франциску до Антония, который, оказывается, не знал «добродетели ощущения Христа в мире», открытой великим ассизцем [53]...

[49] — 9, с. 116. [50] — 9, с. 38. [51] — 9, с. 229. [52] — 14, с. 23. [53] — 2, с. XIII.

Святитель Игнатий (Брянчанинов), уже в XIX столетии свидетельствует о том, что душа инока, отлучающегося из монастыря в город или селение, неизбежно повреждается. Такой инок ранен ядовитой стрелой, пущенной дьяволом, и чем чаще оставляет он монастырь, тем крепче эта стрела впивается в его тело, разливая свой яд по душе инока и отравляя ее.

Такой инок, любящий скитания по миру и предавшийся им, уже не имеет в себе ничего святого и «все подлейшие поступки, всякое беззаконие и злодеяние он считает позволительным себе, будучи увлечен и омрачен страстью миролюбия (то есть любовью к мирскому), вмещающей в себе служение всем страстям» [54].

Как мы видим, никто ни из древних, ни из поздних святых и не помышлял о создании подобного образа жизни, видя в нем величайший вред для души. А если кто из монашествующих и служил миру, то, осознавая внутреннее противоречие сего служения монашескому подвигу, делал это не выходя из своей кельи, и только в том случае, когда получал на сей подвиг особое благословение.

А что до причины, побудившей Франциска уйти в мир и закрепленной впоследствии в Уставе его Ордена (желание проповедничества), то виновником здесь, по слову преподобного Иоанна Лествичника, опять является дух тщеславия, рабом которого становится проводящий подобную жизнь монах [55], ибо «намерение бесов — в том, чтобы через ложное смирение в мир возвратить нас» [56].

[54] — 14, с. 22. [55] — 8, 22:28. [56] — 8, 2:3.

И «когда мы, на год или на несколько лет удалившись от своих родных, приобретем малое некоторое благоговение, или умиление, или воздержание, тогда суетные помыслы, приступивши, побуждают нас опять идти в отечество для назидания, говорят, и примера и пользы многих... Советуют они нам возвратиться в мир с тем, чтобы мы благополучно собранное в пристанище бедственно расточили в пучине» [57].

* * *

Здесь очень кстати было бы упомянуть одно обстоятельство, к которому впоследствии нам надлежит возвратиться, а именно: непременным условием проповеднической деятельности Франциска и его братии является полное подчинение их — не местному епископу или кардиналу, а самому Римскому папе [58] — «наместнику Христа на земле», как звали его уже в те времена [59].

Искание славы человеческой с детских лет превратилось в конце концов у юного и новообратившегося Франциска в своевольное желание быть новым апостолом и реформировать церковь.

К сожалению, этот факт был упущен из рассмотрения как современниками ассизского подвижника, так и его позднейшими последователями, а ведь, по слову преподобного Иоанна Колова, если дано будет человеку увидеть юного, по своей воле восходящего на Небо, нужно его удержать за ногу и сбросить на землю (дабы укротить в нем дух гордости и смирить его). А преподобный

[57] — 8, 3:11. [58] — 18, с. 104. [59] — 5, с. 94.

Иоанн Пророк, приводящий мысль древнего подвижника, развивает ее и говорит о том, что намеревающийся совершить что-либо хорошее от себя, не вопрошая опытных наставников, ничего не делает законно и является врагом самому себе [60].

В чем причина столь разительного противоречия Франциска всей церковной святоотеческой традиции? Еще задолго до Франциска пояснил эту причину преподобный Варсануфий: «Не позволяет же тебе отсечь волю твою — неверие, а неверие происходит от того, что мы желаем славы человеческой» [61].

Увы, эти мудрые советы опытных наставников были проигнорированы (а скорее всего — забыты); Франциск, ведомый своей волей [62], пошел дальше, и дух самости продолжал развиваться в нем со стремительною быстротою.

Рассмотрим, каким же образом дух сей проявлял себя в ассизском подвижнике.

Первоначально, как уже было замечено, после крушения его мечты о воинской славе ему стало невыносимо от осознания того, что о признании, чести и славе его никто не говорит [63]; собирать после этого камни и строить церковь стал юный Франциск опять-таки в поисках славы, ибо понял, что «слава его не в том, чтобы убивать на поле брани, а в том, чтобы творить» [64]...

За утверждением своего Ордена, когда в нем было всего двенадцать человек, он идет к папе (хотя мог это получить и в более низкой инстанции) — и, конечно же, немедленно по утвержде-

[60] — 11, ответ 701. [61] — 11, ответ 234. [62] — 6, с. 330. [63] — 3, с. 37, 46, 47. [64] — 3, с. 39.

нии Ордена папою «такая слава пошла о Франциске»; что сразу же к нему стало приходить множество людей: «громадными толпами преклоняли колена слушатели пред св. Франциском, умоляя его принять их к себе» [65].

Спустя несколько лет, когда Орден уже прочно утвердился, Франциск устраивает на широкой равнине Капитул (общее собрание Ордена), состоящий более чем из пяти тысяч (!) человек.

Разумеется, это тут же стало известно во всех близлежащих поселениях, и народ в огромном количестве стал приходить туда, поскольку «такая пошла слава про их святость, что из папского двора... и из других мест... во множестве являлись слушать их графы, и бароны, и рыцари, и другие благородные люди, и множество простонародья, и кардиналы, и епископы, и аббаты с другими духовными лицами — все приходили поглядеть на это святое и смиренное собрание, ибо никогда еще в мире не сходилоь вместе такого множества святых людей», а главное — приходили посмотреть на самого Франциска, который «в пылу душевном предлагает слово Божие и громким голосом проповедует им то, что внушал ему говорить Дух Святой» [66].

* * *

Наглядный пример проявления духа тщеславия и ложного смирения преподносит нам IX глава «Fioretti», смысл которой — в словесном препирательстве между Франциском и братом его по Ордену — Львом.

[65] — 3, с. 65, 67. 18, с. 103, 104. 4, с. 42. [66] — 2, с. 56-58.

То, что названо латинянами «смирненным спором», заключается в следующем. Однажды захотел Франциск отслужить утреню, но, не обрета богослужебных книг, вместо службы предложил Льву «посмирять» его. «Я,— начал Франциск,— буду говорить, а ты мне будешь отвечать, как я тебя научу... О брат Франциск, ты сотворил в миру столько зла и столько грехов, что достоин ада».

«Через тебя,— отвечал Лев,— Бог сотворил столько добра, что ты пойдешь в рай». Франциск продолжал: «О Господь мой, Бог Неба и земли, я совершил против Тебя столько несправедливостей и столько грехов, что всемерно достоин быть проклятым Тобою».

«Бог сделает тебя среди благословенных особенно благословенным», и так далее. «И вот так, в таком смирленном споре», теща свое тщеславие, с одной стороны, и занимаясь человекоугодием — с другой, в состоянии экзальтации и экстаза, ударяя себя в грудь, возглашая свои реплики громким голосом и заливаясь обильными слезами, провели они всю ночь [67].

Безудержное желание Франциска проповедовать, о котором, разумеется, знали все его приближенные, ибо он сам свидетельствовал противящимся ему: «Вы не понимаете воли Божией и не даете мне обратить весь мир» [68], ассизец решил осуществить, получив на то согласие и благоволение своих духовных чад — Клары и Сильвестра, к которым он и обратился с таким вопросом.

[67] — 2, с. 31- 33. [68] — 6, с. 329.

Разумеется, ответ людей, услаждавшихся речами Франциска и преклонявшихся перед ним, был однозначен. Но интересен здесь и результат. Когда ассизский подвижник получил согласие обоих, его тотчас объял «сильнейший пыл», и он пошел и начал проповедовать... птицам [69].

Вообще, проповеди, обращенные к бессловесным тварям — явление, столь часто встречающееся в жизни Франциска, что на него стоит обратить особое внимание. Ассизец проповедовал не только птицам, которые все в тот час «пораскрывали рты, повытянули шеи, приподняли крылышки и почтительно наклонили головки к земле» [70], но также и волку [71], горлицам [72], змеям [73], и даже... цветам [74].

Подобное поведение было унаследовано и учениками Франциска — так, проповедь Антония Падуанского, обращенная к рыбам, вырисована в не менее красочных тонах: «„Слушайте слово Божие, вы, рыбы морские и речные, раз еретики избегают слушать его“.— И, едва он так сказал, внезапно к берегу подошло такое множество рыб, больших, малых и средних, что никогда не видано было столь великого скопления во всем том море и в той реке.

И все держали головы над водой, глядя со вниманием на лицо святого Антония, все в великой тишине и послушании, и порядке; прямо перед ним и ближе всех к берегу стояли маленькие рыбки, а за ними стояли среднего роста рыбы, затем

[69] — 2, с. 49- 51. [70] — 2, с. 53. [71] — 2, с. 68-70. [72] — 2, с. 72. [73] — 1, с. 17. [74] — 2, с. XXIII.

позади всех, где вода была глубже, стояли самые большие рыбы».

По окончании данной проповеди, примитивно стилизованной под обращение Франциска к птицам, «рыбы начали открывать рты и наклонять головы», после чего «удалились, удивительным образом проявляя свою радость» [75].

* * *

Интересно выяснить, где же берут свое начало истоки столь странного отношения к природе, какое мы наблюдаем у Франциска. Оказывается, «вездесущие Божие есть и пребывание Бога в природе... Исповедание Франциска — исповедание Христа в природе... Солнце — одно из имен Божиих», — пишет исследователь жизни ассизского подвижника, основывая свои утверждения на непосредственных фактах биографии католического святого [76].

Вот такую полупантеистическую-полуиндустскую концепцию мира исповедовал Франциск, не имея ни учителя, ни наставника, который мог бы ему разъяснить христианское отношение к природе как организму, главой которого является человек.

И за отсутствием такового, Франциск выработал к природе свое собственное отношение, которое вскоре стало проявляться в довольно сомнительном и странном поведении ассизца.

Так, искаженно понимая слова Писания: *Я червь, а не человек* (Пс. 21, 7), он убирал с дороги и отно-

[75] — 2, с. 121-123. [76] — 2, стр. XXVI-XXVII.

сил в безопасное место каждого встречавшегося ему на дороге червя, видя в нем Христа.

Вполне буквально толкуя евангельские тексты (Ин. 4, 14; Лк. 20, 17–18), он не допускал попадания воды под ноги, считая себя недостойным попить ее, а также с благоговением ступал по камням, видя Христа и в каждом из них.

Питая особую страсть к огню, ассизец «не позволял братьям тушить загоревшуюся на нем одежду; когда же загорелась хижина, в которой жил Франциск с братом, он отказался помогать брату в тушении пожара и ушел в лес» [77].

Кроме того, были случаи, когда Франциск обращался к Императору с просьбой о выдаче охранной грамоты для жаворонков, а также — для волов и ослов (под Рождество) [78].

Пребывание Христа в мире Франциск понимал как Его пребывание в каждом творении. Отсюда и возникло вышеупомянутое отношение к природе у ассизского подвижника. Должно быть, поэтому А. Ф. Лосев признал, что «католичество, как прельщенное тварью и вошедшее в союз с ней... есть язычество в христианстве, языческий платонизм в православии» [79].

* * *

Но вернемся к разговору о характере смирения Франциска...

Если говорить о неких «чудесах», совершенных во дни своей жизни ассизским аскетом, то и их-то он творил с целью пробуждения великого

[77] — 2, с. XXIII–XXIV. [78] — 1, с. 17, 173. [79] — 20, с. 881, 882.

почтения к себе в душах приходивших к нему людей [80].

Разумеется, Франциск знал, что наконец-то он приобрел то, к чему стремился и чего добивался всю жизнь: славу, почет и честь; знал, что братия безумно любит его и почитает святым [81].

И в этой связи представляются чрезвычайно интересными два обстоятельства.

Первое из них касается того, как ассизец понимал любовь к ближнему. Оказывается, наивысшее проявление этого чувства бывает тогда, когда кто-то любит другого человека больше, нежели самого Франциска: «Люби его больше, чем меня»,— призывает подвижник одного брата, говоря ему о вершине сего благого чувства [82].

Второй же эпизод произошел во время беседы о Боге, происходившей между Франциском и его братьями по Ордену (а как известно, речи ассизца всегда услаждали слушавших его).

В середине беседы подвижник вдруг спросил у братии, упоенной его речами: «Как вы думаете, какая самая святая душа у Бога в этом мире?» Братия в недоумении: «Зачем спрашивать; и так понятно, что твоя, Франциск». Тот, нимало не смутившись (конечно, он ожидал именно такого ответа), перевел взор на проходившего неподалеку от них брата Руффина и сказал в ответ: «Я... самый недостойный и гнусный человек, какой только есть у Бога в этом мире... Бог открыл мне [это — самому-то недостойному и гнусному!], что его [Руффина] душа одна из трех самых свя-

[80] — 2, с. 63, 64. [81] — 18, с. 122. [82] — 1, с. 191.

тых душ, какие только есть у Бога в этом мире» [83].

Как видно, ложное смирение и здесь выявило себя в полноте, ибо концовка фразы говорит сама за себя: разумеется, среди этих «трех» не могло не остаться места для него самого.

Неслучайно поэтому члены его Ордена, развившись подобными представлениями о собственной исключительности, увидев однажды добродетельную жизнь одного из братии, поняли, что он — «человек великого совершенства, как они сами» [84].

Не случайным является и факт, отмечаемый исследователями жизни Франциска, говорящий о том, что одной из причин, укоротивших его жизнь, явилось крушение замысла героя об обращении в христианство неверных мусульман [85].

Неслучайны и другие, центральные события жизни самого Франциска, о которых — чуть ниже. Неслучайны, ибо сам Франциск так говорил о смысле своей жизни: «Я трудился своими руками и хочу трудиться, и хочу, чтобы и все другие братья трудились изо всех сил, потому что это приносит честь» [86].

* * *

Чтобы сделанные выводы не показались слишком поспешными, посмотрим, что по этому поводу пишут Святые Отцы.

Так, авва Дорофей свидетельствует: «Монашеская гордость есть та, когда кто тщеславится, что

[83] — 2, с. 103, 104. [84] — 2, с. 39. [85] — 3, с. 85. [86] — 1, с. 145.

он упражняется во бдении, в посте, что он благоговееен, хорошо живет и тщателен».

Сам же Франциск неоднократно проповедовал о смирении, но «случается также, что иной и смиряется для славы. Всё сие относится к монашеской гордости» [87].

«Кто, домогаясь уловить людскую славу, мог приобрести смиренные помыслы?» — недоумевает преподобный Исаак Сирин [88].

«Смирennemудрый не должен стараться выказывать свое смирение на словах,— продолжают заданную тему преподобные Варсануфий и Иоанн,— ибо смирение на словах есть порождение гордости и беспорядочно рождает через них мать свою — тщеславие» [89].

А узнает человек о том, что достиг смирения, «из того, что находит для себя гнусным угождать миру своим общением с ним или словом, и в глазах его ненавистна слава мира сего» [90].

У Франциска же мы заметили нечто сему противоположное; а окончательные выводы сделаем несколько позже.

При совершении благих поступков ассизским подвижником преследовалась еще одна цель — заслужить Царство Небесное и получить награду от Бога, Который понимается католиками не столько как Любовь, сколько в качестве Мздовоздаятеля и Судии, награждающего праведных и отмщающего грешным.

Неоднократно Франциск говорил в поучениях и завещании своей братии о том, что делам мило-

[87] – 10, с. 47. **[88]** – 9, с. 280. **[89]** – 11, ответы 275, 188. **[90]** – 9, с. 161..

сердия, которые суть дух и жизнь, надлежит сиять, являя пример остальным, ибо за них — награда и воздаяние [91].

* * *

Проповедуя рабско-наемнические отношения человека с Богом, он призывал исполнять им же созданный Устав не для стремления к совершенству и не из чувства сыновней преданности и любви к своему Небесному Отцу и Создателю, а именно в угоду Богу, ибо таким людям за это обещается благословение Божие и Францисково [92].

Благое дело подаяния милостыни творил сам и призывал творить всех с тою целью, что за это последует большая награда от Бога [93]. В толковании на молитву «Отче наш», которое также резко отходит от святоотеческой традиции, фразу «остави нам долги наши» Франциск понимает как действие Бога, проистекающее из-за человеческих заслуг перед Ним [94].

Искушения, ниспосылаемые человеку, по учению ассизца, даются ему для увенчания его заслуг [95]. На одном из островов, где Франциск как-то раз постился, Господь совершил, как сказано, множество чудес ради его заслуг [96]; и «чудеса» по заслугам Франциска и «святых» братии его Ордена совершались неоднократно [97] — впрочем, характер этих чудес не совсем ясен...

Далее оказывается, что по заслугам Франциска неоднократно спасались души умерших братии

[91] — 1, с. 151, 155, 159, 161. [92] — 1, с. 185, 197. [93] — 1, с. 93.
[94] — 1, с. 205-207. [95] — 2, с. 22, 77, 78, 94 и др. [96] — 2, с. 27.
[97] — 2, с. 64, 80, 131, 161.

Ордена [98], а также возрастало и выдерживалось до конца доброе начало [99].

Характерно, что абсолютно аналогичное учение о приобретении и действительности заслуг исповедует правоверный тибетский буддизм: «Силою заслуг, которые я стяжал трудами на этапах пути, да обретут все живые существа возможность трудиться подобным же образом. Сколько ни есть живых существ, испытывающих сердечные и телесные муки, пусть все они избавятся от страданий силою моих заслуг» [100].

Интересно подметить, что такое гордостное самосознание буддиста, искренне верящего в возможность спасения людей, которое он дарует им, и исповедующего эту возможность в ежедневной медитативной практике, дословно воспроизводит вышеприведенные свидетельства и факты из жизни Франциска, мечтавшего о сокровищах, которыми Бог наградит его за его страдания-заслуги [101].

Одним словом, Франциск со своими «меньшими братьями», а равно все католики издавна и поныне ведут счет и бухучет всех своих подвигов, заслуг и достижений — да так усердно, что придумали уже «сокровищницу добрых дел», из которой папа щедродательною десницею раздает их направо и налево.

* * *

Как же по поводу добродетелей высказывались древние Отцы Церкви?

[98] — 2, с. 76, 119. [99] — 5, с. 139. [100] — 23, с. 107. [101] — 5, с. 88.

«Если возможно для тебя, делай добро и не ради будущего воздаяния»,— говорит преподобный Исаак Сирий [102].

«Храни безмолвие и не веди счет своим достижениям»,— поучает авва Виссарион [103]. Их мысль продолжает святитель Нифонт Цареградский: «Не должно удовлетворяться добрыми своими делами, и не уповай на них, потому что не знаем, угодны ли они, или не угодны Богу» [104].

Почему так? Потому что «как черпая воду из источников, иногда неприметно зачерпываем и жабу вместе с водою, так часто, совершая дела добродетели, мы тайно выполняем сплетенные с ними страсти... Ко всем же сим добродетелям прилипают тщеславие, как... отравы» [105].

Поэтому никакая «добродетель не может быть совершена без смиренномудрия» [106], которым прогоняется и отсекается гордость и тщеславие, неизменно ее сопровождающие. Тем более, что «смирение и без дел многие прегрешения делает простительными. Напротив того, без смирения и дела бесполезны, даже уготовляют нам много худого... Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели».

И «пока не смирится человек, не получает награды за свое делание... Воздаяние же бывает уже не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно оскудеет, то первые будут напрасны... А когда человек возлюбил гордыню, не знает уже сокрушения» — прекрасно завершает преподобный Исаак Сирий [107].

[102] — 9, с. 287. [103] — 19, с. 158. [104] — 11, ответ св. Нифонта 2.
[105] — 8, 26:58. [106] — 10, с. 43. [107] — 9, с. 198, 199, 148, 150.

Современные подвижники лишь подтверждают единодушное свидетельство отцов древности.

«Телесный [подвиг], если не перейдет в душевный,— совершенно бесплоден, более вреден, чем полезен,— пишет святитель Игнатий (Брянчанинов),— удовлетворяя человека, не допускает его смириться, напротив того, приводит к высоте мнение о себе, как о подвижнике, не подобном прочим немощным человекам» [108].

Помимо этого, оказывается, что истинные добродетели суть не «добрые дела» католиков, которые они складывают в свою сокровищницу, а, как учит авва Дорофей, качества или свойства души, приобретенные ею в результате борьбы с грехом, а именно: послушание, воздержание, сострадание, отсечение своей воли, кротость, терпение, мужество, скрепляемые, разумеется, смирением, без коего добродетель таковою не является [109]; начало же всех добродетелей — вера [110], соединенная с любовью и надеждой [111], а не «заслуги», приводящие человека лишь к высокомерию и тщеславию.

Действительно, когда мы «стремимся к упражнению в мнимых добродетелях, потому что они приятны для наших чувств, потом, мало-помалу, не приметным образом, заражаемся мнением и, как благодать не спешит осенить, увенчать нас, то мы сами сочиняем в себе сладостные ощущения; сами себя награждаем и утешаемся сами собою».

«Тщеславие [же] стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще не

[108] — 15, с. 319. [109] — 10, с. 169, 170. [110] — 10, с. 169. 15, с. 389, 457. [111] — 8, 3:1-3.

способен по нечистоте своей, за недостижением истины — сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные, ложные утешения, наслаждения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения» [112].

И вот именно эти последние мысли, высказанные святителем Игнатием и являющиеся непосредственным выводом вышеприведенных свидетельств Отцов древности, и объясняют нам во всей полноте характер мистики Франциска Ассизского, к рассмотрению которой мы и переходим.

* * *

Ранее уже говорилось о том, что в детстве и юношеском возрасте Франциск слышал какие-то голоса, повелевавшие, что и как ему нужно делать. Иногда эти голоса приходили внезапно, иногда — во время молитв. И вот на это стоит обратить особое внимание.

Дело в том, что будущего подвижника никто не учил молитве — не было у него духовного наставника, который смог бы разъяснить ему правила молитвы и научить практическому их осуществлению. И потому образ молитвы Франциск создавал себе сам. Посмотрим, к чему это привело.

Однажды (дело было в Риме) Франциск, зайдя в храм, встал на молитву в углу его и начал, заливаясь обильными слезами, просить «добродетель святейшей бедности»; явились же ему в это время якобы апостолы Петр и Павел [113]...

[112] — 5, с. 262, 424. [113] — 2, с. 43, 44.

ния их были таковы, что «никогда там не случилось ничего подобного» [117]...

В иной раз во время беседы Франциска с братьями о Боге, происходившей, надо полагать, в аналогичной истерической манере, явился посреди них некто, принятый ими за Христа, и «преисполнил их такой сладости, что все лишились чувств и лежали, словно мертвые» [118].

Вообще «явления Христа» Франциску и его «меньшим братьям» происходили столь часто, что вызывают, по меньшей мере, недоумение. События же, имеющие место при этих явлениях, заставляют еще больше усомниться в их подлинности.

Так, один из учеников Франциска «беседовал с Богом, как беседуют два друга» [119]; другой при посещении Бога неизменно ложился на постель, ибо как раз в это время чувствовал, что нуждается в отдыхе [120]; третьему же «явившийся Христос» сказал, что тот до конца дней своих уже не будет ни тосковать, ни печалиться,— и он настолько твердо уверился в своем спасении, что в дальнейшем только веселился и созерцал божественные тайны — думал о «возвышенном», совершенно забыв при этом о покаянии [121].

Неслучайно впоследствии братья-францисканцы, заходя в комнату к Франциску и становясь на колени, тут же впадали в исступление [122]. А иные после глубокого и продолжительного созерцания приходили в такой восторг, что потом,

[117] — 2, с. 102. [118] — 2, с. 45. [119] — 2, с. 4. [120] — 2, с. 125. [121] — 2, с. 100. [122] — 2, с. 112.

в продолжение пятнадцати лет, пребывая в безудержной эйфории, ходили с лицом, постоянно обращенным вверх [123].

Были случаи и пострашнее.

Так, брат Иоанн из Верны после продолжительной медитации на тему: «сие есть Тело Мое» возжег в себе «любовь к сладчайшему Иисусу в таком рвении и такой сладости, что уже не могла душа его выносить такой сладости, но громко возглашала, и, как бы опьяненный духом, он не переставал говорить про себя: «Сие есть Тело Мое», — потому что при этих словах ему казалось, он видит благословенного Христа с Девой Марией».

Взойдя после этого в храм «в том рвении духа и с той тревогой, и с теми речами, не думая, что кто-нибудь слышит его... не мог он сдержаться от переполнявшей его божественной милости и возглашал громким голосом, и так долго пробыл в этом состоянии», после чего начал служить мессу.

Постепенно дошел он до того, что «едва мог вынести столько сладости и нежности», затем «еще более вознесся в сладости созерцания» и, лишившись чувств, упал навзничь. После того «тело его похолодело, как тело мертвеца, и пальцы рук заоченели так сильно, что почти совсем не могли распрямляться или двигаться...». Люди же, наблюдавшие за всем этим, «плакали из благоговения» [124].

Другой ученик и последователь Франциска — брат Массео — как-то раз захотел вымолить у Бога добродетель смирения. И «однажды случилось ему войти в лес, и в духовном рвении шел он по

[123] — 2, с. 94, 95. [124] — 2, с. 163-166.

лесу, роняя слезы, вздохи и слова, и в пламенной жажде своей испрашивая у Бога этой божественной добродетели; а так как Бог охотно внимает молитвам смиренных и сокрушенных сердцем, то до брата Массео в таком его состоянии дошел голос с неба»...

После недолгой беседы со Христом брат Массео получил желанную добродетель, и с тех пор в жизни его произошли перемены. О наиболее важной из них «Fioretti» повествуют так: Массео, «когда молился, производил однообразный ликующий звук, вроде глухого воркования голубя — у-у-у! — и стоял так в созерцании с весельем в лице и радостью в сердце» [125].

* * *

В связи со всем сказанным выше необходимо пояснить, как же учили и что говорили о молитве Святые Отцы. И здесь мы увидим картину, совершенно противоположную только что описанной.

Так, например, преподобный Макарий, живший в конце IV — начале V столетия, писал: «Истинное основание молитвы — быть внимательным к своим помыслам и отдаваться молитве в великом спокойствии, великом умиротворении, не смущая других... Для молитвы не надобно ни жестов, ни возгласов, ни молчания, ни коленопреклонения...» [126].

Как же можно в этом свете объяснить молитвенную практику Франциска и его учеников, а равно и всех католиков, унаследовавших ее от своих «святых»?

[125] — 2, с. 105, 106. [126] — 19, с. 167, 182.

Обратимся за ответом к преподобному Симеону Новому Богослову, жившему двумя столетиями ранее Франциска, а между тем — столь ясно о нем предвозвестившему.

«Когда кто,— пишет он,— стоя на молитве и воздевая на небо руки свои и очи свои, и ум свой, держит в уме божественные помышления, воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых... и рассуждает о том тогда — во время молитвы, зря на небо, и подвигает там душу свою к вожделению и любви Божией, а иной раз извлекает даже слезы и плачет... мало-помалу (молящийся так) начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая.

Ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божией в утешение ему, и он молит Бога сподобить его всегда пребывать в таком делании. А это есть знак прелести: ибо добро уже не добро, когда не бывает добрым образом и как следует...

На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими, и подобное» [127].

Преподобному Симеону вторит святитель Игнатий (Брянчанинов): «Низшую ступень видений составляют те видения, которых зрителем становится человек от неядения, бдения и других измождений плоти... Телесные чувства [этих людей] достигают какой-то особенной тонкости,— и они начинают видеть духов, слышать гласы, обонять благоухания и зловония.

[127] — 12, т. 2, с. 180, 181.

Это состояние опасно, и многие, пришедши в него, впади в прелесть... Относительно гласов и явлений, нужна еще большая осторожность: здесь ближе и зловреднее прелесть бесовская. Многие из святых и искусных отцов были обмануты бесами, хитро скрывающими и обличающими свою ложь и тьму призраками истины и света.

...Достигли в отшельничестве сильнейшей бесовской прелести Франциск д'Ассиз, Игнатий Лоиола и другие подвижники латинства, признаваемые в недрах его святыми. «Когда Франциск был восхищен на небо,— говорит писатель жития его,— то Бог Отец, увидев его, пришел на минуту в недоумение, кому отдать преимущество, Сыну ли Своему по естеству, или сыну по благодати Франциску». Что может быть страшнее, уродливее этой хулы, печальнее этой прелести!

Несчастливые и омраченные! Они не понимают, что обоняв утонченную воню живущих в себе страстей, они наслаждаются ею, признают ее в слепоте своей воню благодати! Они не понимают, что к духовному наслаждению способны одни святые; что духовному наслаждению должно предшествовать покаяние и очищение от страстей; что грешник неспособен к духовному наслаждению; что он должен сознавать себя недостойным наслаждения, отвергать его, если оно начнет приходить к нему, отвергать как несвойственное себе, как явное и пагубное самообольщение, как утонченное движение тщеславия, высокоумия и сладострастия [128].

[128] – 15, с. 231, 230.

Как было замечено ранее, духовная практика Франциска и его последователей основывается на игре воображения и чувств. Действительно, по слову того же святителя, «оживить чувства, кровь и воображение старались западные; в этом успевали скоро, скоро достигали состояния прелести и исступления, которое ими названо святостью. В этой стране все их видения» [129]...

А между тем, вышеозначенный образ молитвы всё более и более укореняется в католичестве. Ведь абсолютно аналогичную практику молитвы переняли от Франциска и другие его «духовные дети».

В качестве примера можно взять его землячку — Клару Ассизскую. Как-то раз Франциск и Клара, сидя на горе, говорили о Боге долго, «всё более страстно», протягивали руки «к небу, били себя в грудь, указывали широким жестом на мир вокруг, сжимали горячие виски» [130].

Неслучайно Клара, наученная подобному образу молитвы и прочувствовавшая в себе сладость ее, не хотела с нею расставаться, а когда молилась, стоя на коленях, наклонялась, касалась лбом пола, широко распростирала руки, гладила каменные плиты, ласкала их так нежно, словно что-то живое, любимое; целовала и ласкала землю, прижималась к ней лицом. «О Господь мой!» — горячо шептала она в эти минуты [131].

В другой раз в храме во время службы Кларе вдруг привиделось, что рядом с нею находится маленький мальчик, принятый ею, разумеется,

[129] — 15, с. 322. [130] — 5, с. 85. [131] — 5, с. 96, 97.

за Христа. «Он стоял возле Клары на коленях и смотрел на нее, подняв золотую головку, улыбаясь бездонными глазами, полураскрытыми губами, которые шептали какие-то нежные слова, встряхивая светлыми волосами, поблескивавшими как волны озера на рассвете...

Глаза ее наполнились слезами. Никогда еще Клара не была так счастлива. Она бессознательно опустилась на колени, но ребенок ласково заставил ее сесть. Он взобрался к ней на колени, обняв за шею... желая, чтобы его приласкали. Клара замерла в упоении. По щекам ее текли слезы наслаждения, каждая частичка ее души и тела испытывала блаженство... Она впала в экстаз... Она была как замороженная. Губы ее шептали самые нежные слова, полуприкрытые глаза были полны слез...».

Спустя некоторое время «дитя исчезло, словно насытившись ласками. Клара постепенно приходила в себя. Она была бледна, как после тяжелых усилий... Лицо ее выражало блаженную усталость» [132]...

Должно заметить, что случай, подобный только что описанному, является закономерностью в католической практике, даже среди непосредственных учеников и чад Франциска.

Нечто подобное имело место и с братом Коррадо из Оффиды, который, как-то раз став на молитву, начал «с великими рыданиями молить Деву Марию, дабы Она вымолила ему от Своего благовословенного Сына милость почувствовать немного той божественной сладости, какую испытал в день

[132] – 5, с. 103, 104.

Сретения Господня святой Симеон, когда взял на руки благословенного Спасителя Иисуса».

После этого повествуется, что явилась к нему Дева Мария и «положила ему благословенного Сына Своего на руки. Тот принял Его с благоговением, и обнял, и поцеловал, и, прижимая Его к груди, весь истаял и изошел в божественной любви и неизъяснимом утешении» [133].

Думается, что наш век пролил некоторый свет на природу подобных видений. В 1914 году с известной оккультисткой Е.И. Рерих произошел весьма похожий случай.

Однажды, находясь в своей комнате, она вдруг увидела светлую фигуру прекрасного мальчика, приближающуюся к ней. Подобно Кларе Ассизской, Елена Ивановна также большое внимание уделяет прическе ребенка: «Густая, волнистая с намеком на косой пробор, темная шапка волос чуть золотилась на макушке от сияния над Ним — реальность этих волос была изумительна. Мне так хотелось дотронуться до них!»

И, передает она, «по мере Его приближения, чувство несказуемой близости стало с такой силой расти, что, когда мальчик придвинулся к моему изголовью и слегка наклонился, чтобы заглянуть мне в глаза, чувство нараставшей близости и любви перешло в экстаз... и волна всеобъемлющей любви к Нему и всему сущему залила мое существо...

Глаза непроизвольно закатились и закрылись, неопиcуемый трепет всего организма потряс

[133] – 2, с. 130.

меня. Сердце мое и все существо, казалось, разлетится на части, и я делала невероятные усилия, сжимая грудь, чтобы совладать с таким потрясением» [134]...

После сопоставления откровений брата Корrado и сестры Клары с видениями, представившимися госпоже Рерих и уличения удивительного сходства их, становится очевидным оккультно-сатанинский характер подобного рода мистики.

Осознавал ли сам Франциск возможность подмены? Теоретически, да, но, находясь постоянно в ощущении сладости и эйфории, даже не хотел о ней слышать. Разумеется, ассизский подвижник ведал о том, что бесы могут принимать вид Ангела света (см. 2 Кор. 11, 14), и что подобные явления необходимо уметь различать. Еще древние подвижники Церкви христианской, зная козни и происки лукавого, старались быть максимально бдительными на всякий час — и те иногда бывали прельщаемы и обманываемы (достаточно посмотреть хотя бы житие преподобного Симеона Столпника — 1/14 сентября, а также святителя Никиты Новгородского — в Киево-Печерском Патерике — 31 января/13 февраля).

Зная подобную опасность, какой же метод различения духов предлагает своим ученикам Франциск? На редкость «аскетический»...

Оказывается, всё очень просто. Франциск указывает: как только представится очередное видение, необходимо всего лишь предложить явившемуся духовному существу открыть рот, для

[134] – 22, с. 42.

того чтобы можно было туда помочиться. И если после этих слов существо исчезнет, это будет знаком того, что являлся диавол [135]. Не правда ли, замечательно?..

* * *

Теперь самое время перейти к разговору о тех откровениях и видениях Франциска, которые по справедливости считаются главными в его жизни, и, конечно же, являются закономерным следствием его прелестной мистической практики.

Оба видения, о которых здесь будет упомянуто, имели место на горе Альверно, подаренной ассизскому подвижнику на закате его земной жизни.

Первое из них необычайно наглядно показывает, в чем коренилось то «самоуничижение» Франциска, которое красною нитью проходит через всю его жизнь.

Действительно, как и в том «смиренном споре» с братом Львом, о котором было упомянуто выше, в большинстве своем речения ассизца сопровождались крайне уничижительными высказываниями о самом себе: «Я — самый недостойный и гнусный человек, какие только есть у Бога в этом мире» [136], «невежествен я и глуп» [137], и многое-многое другое.

Наглядным же свидетельством истинного понимания его самоуничижения является следующая фраза из его «Послания ко всему Ордену»: я — «ничтожный и слабый, ваш последний раб... Услышьте, сыновья Господа и братья мои, и вни-

[135] — 2, с. 97-98. [136] — 2, с. 104. [137] — 1, с. 185.

майте словам моим. Приклоните ухо вашего сердца и повинуйтесь гласу Сына Божьего» [138].

Итак, молясь однажды на горе Альверно словами самоуничтожения: «Господи, что я пред Тобой? Что значу я в сравнении с силою Твоею, ничтожный червь земли, ничтожный Твой служитель!» — и повторяя эти возгласы непрестанно, Франциск получил на свое вопрошание тот ответ, к которому стремился и которого чаял, а именно: явились ему два больших света, в одном из которых он узнал Создателя, а в другом — самого себя [139]...

То уподобление Христу, к которому Франциск столь рьяно стремился в продолжение всей своей сознательной жизни, в его душе, наконец-то, произошло: он увидел себя равным Богу!

И именно это видение является одной из главных причин того, что ученики Франциска, его последователи и почитатели говорили в один голос о том, что в их учителе и наставнике произошло новое воплощение Христа [140].

Второе же откровение, происшедшее с ним на той же горе, имело такую силу, что впоследствии послужило одним из главных мотивов для канонизации подвижника, происшедшей спустя всего лишь два года после его смерти [141].

Конечно же, речь идет о главном (с точки зрения самих католиков) событии в жизни Франциска — стигматизации, то есть появлении на теле его ран и язв, подобных крестным ранам Спасителя.

А дело было так: 14 сентября 1224 года, в день Воздвижения Креста Господня, Франциск стоял на

[138] — 1, с. 179. [139] — 18, с. 107. [140] — 1, с. 275. 2, с. 25. 3, с. 70, 71. [141] — 18, с. 113.

коленях, воздев руки к небу и молясь о том, чтобы Бог дал ему возможность пережить страдания, которые испытал на Кресте Сам Господь (заметим: вновь — молитва без покаяния)...

Столь необычное и интересное желание станет более понятным, если вспомнить, что подобное непреодолимое стремление «созерцать любимый облик Христа и страдать Его страданиями» было и у Е.И. Рерих, впоследствии также ощутившей свое тождество со Христом [142]...

Итак, через некоторое время, молясь подобным образом, Франциск приобрел твердую уверенность в том, что просимое осуществится. И сразу после этого «он отдался созерцанию страданий Спасителя, созерцанию, доведенному до высшей степени сосредоточенности».

Наконец, «в избытке ощущаемых им любви и сострадания, он почувствовал себя совершенно превращенным в Иисуса» [143].

Здесь мы позволим себе немного остановиться. Ранее уже говорилось о том, что Франциск не получил духовного руководства в молитве (что крайне необходимо для нормальной духовной жизни); образ же молитвы создавал (или, лучше сказать — сочинял) себе сам.

* * *

К какому же духовному состоянию он пришел? Для ответа на этот вопрос мы проведем параллель и выделим общие черты в молитвах Франциска и буддийской медитации.

[142] — 22, с. 24, 11. [143] — 18, с. 108, 109.

«Однонаправленная медитация характеризуется концентрацией сознания на одном объекте и называется Шаматха... Замечательные свойства состояния Шаматха таковы, что когда оно достигается, сознание и тело проникаются радостью и блаженством, безгранично превосходящими радость от любых мирских удовольствий...

Для медитации Шаматха требуется один объект, на котором концентрируется сознание... В качестве такого объекта лучше всего взять образ Будды... Это живой Будда, он не столько источает свет, сколько любит вас.

Вы ощущаете исходящие от Будды любовь и сострадание. Это очень важно: ощущать любовь, которая на вас нисходит...

Мы имеем четыре этапа медитации: поиск, реальное видение, удержание и собственно состояние медитации (то есть удержание в расслабленном состоянии)... Если вам удалось взрастить бодхичитту [любовь и сострадание], то вы становитесь сыном Просветления, Буддой» [144].

Подобная медитативная практика, полностью исключая основу основ христианской жизни — покаяние — направлена исключительно на себя: человек для того и занимается медитацией, чтобы получить удовольствие и наслаждение.

Чувствуя себя достойным «радости и блаженства», медитирующий обретает в своем делании полное самоудовлетворение, отчего и происходит «самообожение» — без Бога и помимо Его воли.

Удивительным образом метод, используемый Франциском, напоминает нам подобную прак-

[144] — 23, с. 69, 70, 75, 77, 67.

тику буддизма — учения, не совместимого с христианством; напоминает, поскольку движимы и тот и другой одним духом — духом безудержной гордыни.

И если принять во внимание еще и искаженное, трансформированное учение о личности, имеющее место в католицизме, то станет совершенно понятным, отчего Франциск «почувствовал себя совершенно превращенным в Иисуса» — превращенным не по благодати, к которой призваны все мы, а по естеству — ощутил себя богом в самом существе своем.

После того, в конец прельщенный своею молитвою, ассизский подвижник не заметил того богохульства, которое предстало его взору: он увидел пригвожденного ко кресту серафима [145] — богохульства, ибо только так можно расценивать ту насмешку над величайшим Таинством Боговоплощения и искупления рода человеческого, по которой на место Творца и Искупителя встает Его творение.

Буря чувств — земных чувств — охватила нашего героя, и после этого «на теле [его] явление это оставило образ и чудесно запечатленные следы страданий Христа, ибо тотчас же на руках и ногах Франциска начали показываться как бы гвозди; казалось, что центры рук и ног были как бы пронзены этими гвоздями...

На правой же стороне груди сделался виден след от удара копьем, подобный шраму, — след воспаленный и источающий кровь, которая проступала на одежде... Франциск носил на груди

[145] — 18, с. 109, 117. 1, с. 18.

своей, на руках и ногах образ и телесное сходство со Спасителем» [146].

Здесь, и надо согласиться в этом с католиками, мистика ассизского аскета достигает своего апогея. Горячее желание уподобиться Христу в подражании Ему стало в представлении Франциска реальностью — он ощутил себя «превращенным в Иисуса», вплоть до телесного с Ним сходства.

Однако о подобного рода видениях истинные святые думали иначе. Так, преподобный Варсануфий, отвечая на вопрошание ученика о том, что делать, когда представится видение в образе Христа, говорит: «Не прельщайся, брат, никогда таким демонским извещением, ибо Божественные явления бывают лишь святым, и оным всегда предшествует в сердцах тишина, мир и благодушие».

Впрочем, и познавая истину (явления), святые признают себя недостойными, а тем более грешники не должны никогда верить таким явлениям, зная свое недостойнство» [147].

Франциск же, напротив, как видно из всего вышеописанного, принял всё это за истину без малейшего сомнения.

Интересен также тот факт, что после стигматизации Франциск «перестал интересоваться всем, происходящим в Ордене» и предоставил монахам жить, как они хотят [148].

Наверное, поэтому, возомнив себя равным Богу, ассизец говорил впоследствии: «Я не сознаю за собою никакого прегрешения, которое не искупил бы исповедью и покаянием» [149].

[146] — 18, с. 109-110. [147] — 11, ответ 412. [148] — 4, с. 56. [149] — 18, с. 129.

Насколько далеко он отделился от Бога, можно понять хотя бы из сопоставления этой его фразы с духовным откровением аввы Дорофея: «Чем более кто приближается к Богу, тем более видит себя грешным» [150]; напротив, чем более отдаляется, тем чище сам для себя становится, не замечая собственных грехов.

Куда завела Франциска такая духовная жизнь, можно заключить хотя бы из слов, сказанных им уже на смертном одре: «Я прощаю всем моим братьям, как присутствующим, так и отсутствующим, их обиды и их заблуждения и отпускаю им грехи их, насколько это во власти моей».

Заметьте — не просит прощения даже перед смертью; напротив, сам прощает. И, наконец, заканчивает он свою жизнь с полным осознанием своей праведности: «Я исполнил то, что должен был исполнить» [151].

Здесь мы видим уже полную противоположность тому, что сказал Сам Господь: *Когда исполните всё повеленное вам, говорите: «Мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать»* (Лк. 17, 10).

Далее, проводя сравнение мистики Франциска со святоотеческим учением, необходимо вспомнить и о том, что все видения и откровения асизский аскет и его «меньшие братья» получали в результате бурного проявления чувств и эмоций.

Но, как замечает преподобный Исаак Сирин, «начало истинной жизни в человеке — страх Божий. А он не терпит того, чтобы пребывать в чьей-

либо душе вместе с парением ума, потому что при служении чувствам сердце отвлекается от усаждения Богом» [152], и человек испытывает именно чувственные удовольствия.

Кто скорбит сердцем, а чувствам дает свободу,— продолжает он,— тот подобен больному, который страждет телесно, а уста имеет отверстыми для всякой вредной ему снеди [153].

Но сколько бы [такой] человек ни употреблял усилия, чтобы духовное снизошло к нему, оно не покоряется. И если дерзновенно возмечтает он и возведет взор к духовному и будет доходить до него разумением не вовремя, то скоро притушается зрение его, и вместо действительного усматриваются им призраки и образы» [154].

Недаром опытные подвижники, такие, как преподобный Иоанн Лествичник, глубоко знакомые с молитвенным деланием, свидетельствовали о имевших место ложных откровениях, говоря: «Я ощутил, что сей волк хочет обольстить меня, производя в душе моей бессловесную радость, слезы и утешение; и по младенчеству своему я думал, что получил плод благодати, а не тщету и прелесть» [155], поему и предостерегали: «Рассматривай приходящую сладость: не отравлена ли она от горьких врачей, паче же коварных убийц душ человеческих» [156], и научали: «Рукою смирения [а не возношения, упоения славою и ощущения своей тождественности со Христом] отвергай приходящую радость, как недостойный ее, чтобы не обольститься ею и не принять волка вместо пастыря» [157].

[152] — 9, с. 3. [153] — 9, с. 419. [154] — 9, с. 267. [155] — 8, 15:42. [156] — 8, 27:76. [157] — 8, 7:57.

Однако сам Франциск, пренебрегая всеми советами и наставлениями древних Отцов, думает по этому поводу иначе: «Бог сладок и приятен, сладостен, любим, возлюблен и всего более желанен» [158], потому и исполняю я «благоуханные слова Господа моего» [159].

Каким же образом ассизский подвижник исполнял эти «благоуханные слова», которые получал он во множестве откровений?

Характерный пример. Однажды, со своим братом по Ордену Массео Франциск вошел в храм помолиться и получить очередное откровение.

«В той молитве [он] воспринял столь неизмеримую милость, воспламенившую так сильно душу его любовью к святой бедности, что от румянца лица его и от разверстых уст его, казалось, будто извергается пламя любви. И, как бы весь в огне, подошел он к товарищу и так сказал ему: «А-а-а! Брат Массео, дай мне себя!»

И промолвил так трижды, и на третий раз святой Франциск одним духом поднял брата Массео в воздух и бросил его от себя на расстояние большого шеста; и брат Массео был этим в величайшей мере поражен и после рассказывал товарищам, что в тот миг, как святой Франциск одним духом поднял его и подкинул, он испытал столь великую сладость души и утешение от Духа Святого, какого никогда в жизни своей не испытывал» [160].

Весьма странным, не правда ли, выглядит «утешение от Духа Святого», когда слышишь многозначительную фразу «дай мне себя», после чего,

[158] – 1, с. 117, 119, 151. [159] – 1, с. 155. [160] – 2, с. 42, 43.

вопреки законам гравитации, поднимаешься на воздух, летишь вниз и ударяешься затылком о каменные плиты...

* * *

В учениках же и последователях Франциска практика подобных «эмоционально-мистических» переживаний приняла еще более страшные и ужасающие размеры.

Сам за себя говорит случай, произошедший с братом Иоанном из Верны, который был «человеком особенной жизни и великой святости» [161].

Сей брат Иоанн еще с детства, и опять же самовольно, начал носить вериги и предаваться особенному воздержанию. Поступив впоследствии в Орден Франциска, он сразу «стал таким духовным и набожным, что иногда... сердце его таяло, как воск на огне, и он разгорался божественной любовью в такой великой сладости благодати, что, не в силах будучи оставаться на месте и выдерживать такую сладость, вставал и, как бы опьяненный духом, начинал бегать то по саду, то по лесу, то по церкви, согласно тому, на что подвигало его пламя и порыв духа».

С течением времени, когда брат Иоанн всё более возрастал «в божественных вознесениях и восторгах», подобное состояние всё чаще возникало и всё более укоренялось в нем, так что он начинал возноситься «к блистаниям Херувимов... к воспламенениям Серафимов... к блаженным ликованиям» и, наконец, дело дошло до того, что возомнил он себя восхищенным к любовным и чудным объятиям Христовым...

[161] – 6, с. 339.

Спустя три года, в течение которых брат Иоанн подобным образом «много раз был восхищен в Боге» и «весь был охвачен пламенем», ощущение «любовных и чудных объятий» у него пропало, так что скорби его не было предела.

Он вышел в лес и начал метаться из стороны в сторону, кричать и рыдать, страстно желая возвращения прежнего состояния. Проведя «в беспрестанных рыданиях и вздохах» много дней, «с лицом, облитым слезами, и взором, поднятым к небу», Иоанн, наконец, увидел, что вблизи него появился некто в образе Христа, лицезреть Которого он так жаждал.

И тут же францисканец бросился к ногам появившегося существа, безмерно рыдая и умоляя сподобить его прежнего состояния...

И вот, после продолжительной мольбы и долгих слез «Христос снизошел к нему и протянул Свои святейшие руки для лобызания. И, когда брат Иоанн облобызал их, он придвинулся и прильнул к груди Иисуса, и обнял Его и облобызал Его священнейшую грудь, и Христос так же обнял и облобызал его» [162].

* * *

Подобная «мистическая» практика в последующие века приняла откровенно бесстыдный оборот, что показывают многочисленные примеры из жизни католических святых.

Возьмем хотя бы еще один. Это — «святая», жившая уже в XVI столетии — Тереза Авильская. «Когда богатейший Супруг,— пишет она в своих

[162] — 2, с. 152-156.

откровениях,— желает обогатить ее и ласкает ее еще больше, Он так вовлекает ее в Себя Самого, что подобно человеку, который лишается чувств от чрезмерного удовольствия и радости, она ощущает себя как бы несомой на этих Божественных руках, прилепившейся к этому священному боку и к этим Божественным сосцам» [163].

«Это, конечно, не молитва и не общение с Богом,— пишет один из крупнейших русских мыслителей XX века А. Ф. Лосев,— это — очень сильные галлюцинации на почве истерии, то есть прелесть.

И всех этих истериков, которым является Богородица и кормит их своими сосцами; всех этих истеричек, у которых при явлении Христа сладостный огонь проходит по всему телу и, между прочим, сокращается маточная мускулатура; весь этот бедлам эротомании, бесовской гордости и сатанизма — можно, конечно, только анафематствовать...

В молитве опытно ощущается вся неправда католицизма. По учению православных подвижников, молитва, идущая с языка в сердце, никак не должна спускаться ниже сердца...

Православная молитва пребывает в верхней части сердца, не ниже. Молитвенным и аскетическим опытом познано на Востоке, что привитие молитвы в каком-нибудь другом месте организма всегда есть результат прелестного состояния.

Католическая эротомания связана, по-видимому, с насильственным возбуждением и разгорячением нижней части сердца» [164].

[163] — 21, с. 175. [164] — 20, с. 885, 886.

Далее Лосев в подтверждение своих слов приводит одно из многочисленных свидетельств Святых Отцов, освещающих данный вопрос. «Старающийся привести в движение и разгорячить нижнюю часть сердца,— пишет святитель Игнатий (Брянчанинов),— приводит в движение силу вожделения, которая, по близости к ней половых органов и по свойству своему, приводит в движение эти части.

Невежественному употреблению вещественного пособия последует сильнейшее разжжение плотского вожделения. Какое странное явление! По видимости подвижник занимается молитвою, а занятие порождает похотение, которое должно бы умерщвляться занятием».

Тот же святитель, понимая страшный вред, который может принести душе изучение, а тем более — применение духовной практики католицизма, советует своим чадам заняться «чтением Нового Завета и Святых Отцов Православной Церкви (отнюдь не Терезы, не Францисков и прочих западных сумасшедших, которых их еретическая церковь выдает за святых)» [165].

И опять-таки, причина подобного рода мистики только одна — всё та же гордость, о чем и говорил преподобный Исаак Сирий: «Когда тело твое будет укрощено воздержанием, бдением и внимательностью безмолвия, но почувствуешь, что тело твое, без естественного движения, находится в остроте блудной страсти, тогда знай, что искушения помыслом гордыни» [166].

[165] — 15, с. 396. [166] — 9, с. 360.

Живший пятью столетиями ранее Франциска преподобный Исаак Сирин дал ассизскому подвижнику такую точную характеристику, словно видел и знал его. Ибо много писал он о «суетных людях, которые уподобляли себя святым апостолам, исповедовали мечты своих помыслов и называли их духовными созерцаниями.

Это относится ко многим еретикам... Апостол [Павел] вынужден был в ничто обратить похвалу еретиков... когда со смирением и великим страхом описывает он Божественное свое созерцание, относя оное к лицу другого... (2 Кор. 12, 2–4). Поэтому говорит он, что восхищением восхищен был, а не произвольно восшел умом своим в созерцание, до третьего неба.

Написал, что видел созерцания; сказал, что слышал глагол; но какие были слова или образы созерцаний, того не мог написать... А если бы и восхотел изречь сие, то не мог бы, потому что видел сие не телесными чувствами.

Что ум приемлет телесными чувствами, то ими же может опять и изъяснить в области телесной; а что ощутительно созерцает, или слышит, или чувствует внутри себя, в области духа, того, когда возвращается к телу, не способен пересказать, а только воспоминает, что видел это; но как видел, не умеет поведать ясно.

И сим обличаются ложные писания, так называемые откровения, сочиненные начальниками ересей, растленных мечтанием бесовским, об обителях на тверди, в которые возводят ум для самовольного уразумения, и о восхождении ума на небо, и о местах, отведенных для суда, и о мно-

говидных образах Горних Сил, и о действительности их.

Всё это есть тень ума, упоенного самомнением и приведенного в безумие бесовским деланием... Этой брани всего чаще подвергаются монахи ума тонкого, ищущие суетной славы, вожделевавшие новых открытий и делающие всё напоказ»...

Далее преподобный Исаак рассказывает известный ему случай, происшедший с одним монахом, который однажды «пришел в свой город, когда возгорелась в нем страсть славолубия, и избрал себе отшельническую храмину, и посвятил себя на дела и жестокие скорби и непрестанные молитвы.

И когда возгорелась в нем страсть непомерного славолубия, то есть надежда достигнуть ему той высоты, о которой он слышал, так как не обучился он искусству противоборствовать врагам истины, не уразумел козней, обманов и ухищрений супостата, какими сильных и крепких увлекает он в погибель, надеялся же только на дела, на скорби, на нестяжательность, на подвижничество, на воздержание, не приобретши самоуничтожения, смирения, сердечного сокрушения,— сих непреодолимых оружий при сопротивлении лукавому, не памятуя и Писания, которое говорит: «Когда исполните дела, сохраните заповеди, претерпите скорби, почитайте себя рабами непотребными» (см. Лк. 17, 10),— и только разжигаем был высоким о себе самомнением, основанным на делании им жития своего, и сгорал желанием высоты, о которой слышал,— то по истечении многого времени, когда диавол увидел, что нет у него делания смирения, а только вожделевает созерцания, чтобы

ощутить тайны, о которых слышал, явился ему в безмерном свете, говоря: «Я — Утешитель, и послан к тебе от Отца, чтобы сподобить тебя увидеть созерцание, которого желаешь за дела свои, дать тебе бесстрастие и на будущее время упокоить тебя от дел»...

И враг, вместо Божественного созерцания, наполнил его бесовскими мечтаниями, сделал, что перестал он трудиться ради истины, надмил его, и поругался над ним тщетною надеждою бесстрастия, говоря ему: «Теперь не имеешь ты нужды в делах, в злостраданиях тела, в борьбе со страстями и похотями»...» [167].

Если к последнему изречению, заимствованному у преподобного Исаака, присовокупить слова, однажды сказанные Франциском: «Радуйся, брат тело, ибо отныне я охотно буду исполнять твои желания и поспешу помочь твоим горестям» [168], то картине, вырисованной святым сирийским подвижником, можно лишь глубоко подивиться — с какою точностью он описал всю жизнь Франциска Ассизского, от начала и до конца.

И это поразительное сходство между собою у еретиков VIII и XIII веков вполне понятно — ведь движимы они во все времена одним духом, редко изобретающим что-либо новое...

* * *

Итак, жизнь и подвиги Франциска Ассизского, а также его ближайших учеников, рассмотренные нами в этой небольшой работе, свидетельствуют сами за себя.

[167] — 9, с. 271-274. [168] — 2, с. XXI.

Главный и основной порок, породивший вышеупомянутые тьмочисленные искажения духовной жизни его — гордость, и мать ее — тщеславие. Именно эти страсти явились причиной того самообольщения, в котором пребывал Франциск. «Начало прелести — гордость, и плод ее — преизобильная гордость»,— говорил святитель Игнатий Брянчанинов [169].

Самообольщенные утратили способность, продолжает он, «к богоугодному жительству и к духовному преуспеянию... Труден выход из самообольщения. У дверей стоит стража; двери запорты тяжеловесными крепкими замками и затворами; приложена к ним печать адской бездны.

Замки и затворы — гордость самообольщенных, глубоко таящаяся в сердце, тщеславие их, составляющее начальную причину деятельности их, лицемерство и лукавство, которыми прикрываются гордость и тщеславие, которыми облакаются они в личину благонамеренности, смирения, святости. Печать несокрушимая — признание действий самообольщения действиями благодатными» [170].

Находящийся в самообольщении «не ест, не пьет, не спит, зимою ходит в одной рясе, носит вериги, видит видения, всех учит и обличает с дерзкой наглостию, без всякой правильности, без толку и смысла, с кровавым, вещественным, страстным разгорячением, и по причине этого горестного, гибельного разгорячения. Святой, да и только!..

[169] — 13, с. 238. [170] — 13, с. 104.

Большая часть подвижников западной церкви, провозглашаемых ею за величайших святых — по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Духа Святого от нее — молились и достигали видений, разумеется, ложных... Эти мнимые святые были в ужаснейшей бесовской прелести» [171]...

* * *

В завершение необходимо разобраться в первопричине, обусловившей столь уродливое развитие мистики Франциска, его чад и последователей. Впрочем, тут же неизбежно может возникнуть вопрос: а быть может, Франциск был таким «нехорошим исключением»? Быть может, в иных западных святых ничего подобного не наблюдалось?

Увы, приходится констатировать, что это не так. Католические святые в огромном своем большинстве вторгались в духовный мир самовольно, не имея никакого духовного руководства. Если же кто и имел таковое, то, разумеется, само руководство было уже глубоко и неизлечимо поврежденным.

Франциск Ассизский был нами взят в рассмотрение как один из лучших образцов католической святости: если вспомнить написанное чуть выше о брате Иоанне из Верны, или о Терезе Авильской, это станет вполне понятным.

Кроме того, необходимо учесть еще и то, что святые всегда являются духовными вождями народа. Народ же, ведомый ими, идет за ними, с ними и их путем, ибо здесь — авторитет, авторитет личности и авторитет духовного опыта, скрепленный веками.

[171] — 13, с. 241, 242.

И нетрудно заметить, что чем больше проходит времени с момента так называемого «раскола церквей» 1054 года, тем большее наблюдается духовное разъединение и отдаление друг от друга христиан Востока и Запада.

Как мы заметили, причиною прелестной духовной жизни Франциска явились гордость и тщеславие. Случайно ли их появление у юного тогда еще рыцаря?

Оказывается, нет. «Вожди западной церкви, а за ними и вся церковь католическая, возомнили себя уже осуществленным градом Божиим на земле, притом — градом, управляемым земною властью.

В силу особых исторических условий, католичество допустило у себя такую аномальность: оно поставило между христианской мистикой — растением светолюбивым, и Логосом, Солнцем этого растения, непрозрачную перегородку.

Оно поставило между Богом и людьми земного владыку — папу, и затемнило этим достижение католиками непосредственной духовности в сфере Логоса. По исторически сложившемуся пред-
рассудку католиков, вкорененному в них их религией, папа является наместником Христа на земле, лицом непогрешимым, божественным» [172].

* * *

Предстоятель Римской церкви присвоил по славолению себе первенство над другими Патриархами Церкви Христовой,— продолжает тему преподобный Амвросий Оптинский.— А допуская славолению

[172] — 18, с. 86.

бие, мудрено и неудобно и даже невозможно бороться со страстью гордости, ибо как одна ошибка, которую не считают ошибкой, всегда влечет за собою другую, и одно зло порождает другое, так случилось и с Римскою церковью» [173].

И действительно, когда столь жуткая и разрушительная страсть, как гордость, закреплена, узаконена, канонизирована и коренится в самых недрах католической церкви, все верные и истинные ее чада — хотят они того или не хотят, понимают или не понимают — неизбежно наследуют и впитывают в себя эту страсть и, не воспринимая ее как нечто душевредное, служат ей и считают ее нормою бытия.

Да и сам Франциск говорил о том, что Бог дает ему великую и крепкую «веру в священников, живущих по обряду святой Римской церкви» [174], всех призывал быть католиками и жить покатолически [175], а также обязывал своих последователей исполнять написанный им Устав «ради Бога всемогущего и господина папы» [176].

Потому-то «католики заблуждаются и гордостью обложены как ожерельем»,— говорил святой Иоанн Кронштадтский [177], и пояснял: «Причина всех фальшей Римско-католической церкви есть гордость и признание папы действительным главою церкви, да еще — непогрешимою...

Отсюда — ложные догматы, отсюда — двойственность и лукавство в мысли, слове и деле; отсюда — различные ложные правила и постановления при исповедании грехов; отсюда — ин-

[173] — 16, с. 130, 232. [174] — 1, с. 143. [175] — 1, с. 105. [176] — 1, с. 119. [177] — 17, с. 140.

дульгенции, отсюда искажение догматов; отсюда фабрикование святых западной церкви и несуществующих мощей, не прославленных Богом... и всякое противление Богу под видом благочестия и ревности о большей славе Божией» [178].

По причине этой подмены произошло то, что латинские миссионеры стали «не ко Христу обращаться и приводить людей, а к своему папе» [179]; теперь уже «о папе ревнуют, а не о Христе, за папу воюют, а не за Христа» [180].

И папизм Римско-католической церкви стал причиной того, что она отпала «в гибельную тьму ереси [181]», давно уклонилась в ересь и нововведение» [182].

Но «истинная Церковь пребывает и «пребудет единою и нераздельною и единоспасающею, именно — Восточная Православная... Вне Церкви нет спасения, нет духа благодати» [183],— заключает святой Иоанн Кронштадтский; нет и, разумеется, не может быть истинной святости.

[178] — 17, с. 534, 535. [179] — 16, с. 235. [180] — 17, с. 140. [181] — 15, с. 423. [182] — 16, с. 232. [183] — 17, 144, 135.

Список использованной литературы

1. Святой Франциск Ассизский. Сочинения.— М.: Изд-во Францисканцев — братьев меньших конвентуальных. 1995.
2. Цветочки святого Франциска Ассизского.— М.: Вся Москва. 1990 (репринт).
3. Честертон Г.К. Святой Франциск Ассизский — в книге «Вечный человек».— М.: Политическая литература. 1991.
4. Арвед Барин. Франциск Ассизский. СПб. 1910.
5. Ференц Ева. Святая Клара Ассизская.— М.: Изд-во Францисканцев. 1995.
6. Иванов П. Тайна святых.— М.: Паломник. 1993 (репринт 1949 года).
7. Сикари Л. Портреты святых. Т. I—II.— Милан.: Христианская Россия. 1991.
8. Лествица преподобного Иоанна.— Греция. 1990 (репринт 1908).
9. Авва Исаак Сирин. Слова подвижнические.— М.: Правило веры. 1993 (репринт 1911).
10. Авва Дорофей. Поучения, послания, вопросы, ответы.— М.: Актис. 1991 (репринт 1895).
11. Преподобных отцов Варсануфия и Иоанна руководство к духовной жизни.— М.: Изд-во Донского монастыря. 1993 (репринт 1905).
12. Преподобный Симеон Новый Богослов. «Творения», т. 1–2.— Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1993 (репринт 1890–1892).
13. Святитель Игнатий Брянчанинов. «Аскетические опыты», т. 1.— М.: Правило веры. 1993 (репринт 1886).
14. Святитель Игнатий Брянчанинов. Приношение современному монашеству.— Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1991 (репринт 1905).
15. Собрание писем святителя Игнатия, епископа Кавказского.— СПб. 1995.
16. Собрание писем иеросхимонаха Амвросия к мирским особам.— Кемерово. Б/г (репринт 1908).

17. И. К. Сурский. Отец Иоанн Кронштадтский.— М.: Паломник. 1994.
18. М. В. Лодыженский. Свет незримый.— Петроград. 1915 (репринт).
19. О. Клеман. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви.— М.: Путь. 1994.
20. А. Ф. Лосев. Очерки античного символизма и мифологии.— М.: Мысль. 1993.
21. Диакон Андрей Кураев. Традиция. Догмат. Обряд.— Москва — Клин. 1995.
22. Рерих Е. И. У порога нового мира.— М.: Международный центр Рерихов. 1994.
23. Геше Джампа Тинлей. Живая философия и медитация тибетского буддизма.— М. 1995.
24. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Полное собрание творений. Тт. 1, 2, 7. М. Паломник. 2001–2002.

Святитель Игнатий Ставропольский

О католичестве

Большая часть подвижников Западной Церкви, провозглашаемых ею за величайших святых,— по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее — молились и достигали видений ложных.

Эти мнимые святые были в ужаснейшей бесовской прелести. Прелесть уже естественно воздвигается на основании богохульства, которым у еретиков извращена догматическая вера.

Поведение подвижников латинства, обьятых прелестью, было всегда исступленное по причине необыкновенного вещественного, страстного разгорячения. В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель Иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некоторое напряжение, как являлись пред его взорами, по его желанию, ад или Рай.

Явление Рая и ада совершалось не одним действием воображения человеческого. Одного действия воображения человеческого недостаточно для этого: явление совершалось действием демонов, присоединявших свое обильное действие к недостаточному действию человеческому, совокуплявших действие с действием; пополнявших действие действием на основании свободного произволения человеческого, избравшего и усвоившего себе ложное направление.

Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию,— даруются неожиданно, весьма редко при случаях особенной нужды, по дивному смотрению Господа, а не как бы случилось.

Усиленный подвиг находящихся в прелести обычно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкой того пламени, которым разжжены прельщенные. Подтверждается это и сказаниями истории и свидетельством Святых Отцов. «Видящий духа прелести в явлениях, представляемых им,— сказал преподобный Максим Капсокаливит,— очень часто подвергается ярости и гневу; благовоние смирения или молитвы, или слезы истинной не имеет в нем места. Напротив того, он постоянно хвалится своими добродетелями, тщеславствуется и предаётся всегда лукавым страстям бесстрашно».

* * *

В сердце человеческом имеется вожделение скотоподобное, внесенное в него падением, находящееся в отношении с вожделением падших духов. Мы веруем, что имеется в сердце и вожделение духовное, с которым мы сотворены, которым любимся естественно и правильно Бог и ближний, которое находится в гармонии (в созвучии, в согласии) с вожделением святых Ангелов.

Чтобы возлюбить Бога и в Боге ближнего, необходимо очиститься от вожделения скотоподобного. Очищение совершает Святой Дух в

человеке, выражающим жизнью произволение к очищению.

В противоположность ощущению плотских людей, подлинно духовные мужи, обоняв воню¹ зла, притворившегося добром, немедленно ощущают отвращение от книги, издающей из себя эту воню.

Старцу Исайи иноку, безмолвствовавшему в Никифоровой Пустыне (Олонецкой или Петрозаводской епархии), преуспевшему в умной молитве и сподобившемуся благодатного осенения, был прочитан отрывок из «Подражания»².

Старец тотчас проник в значение книги. Он засмеялся и воскликнул: «О! Это написано из мнения³. Тут нет ничего истинного! Тут всё — придуманное! Какими представлялись Фоме духовные состояния и как он мнил о них, не зная их по опыту, так и описал их».

Прелесть, как несчастье, представляет собой зрелище горестное; как нелепость, она — зрелище смешное. Известный по строгой жизни архимандрит Кирилло-Новоезерского монастыря (Новгородской епархии), занимавшийся в простоте сердца почти исключительно телесными подвигом и о подвиге душевном имевший самое умеренное понятие, сперва предлагал лицам, советовавшимся с ним и находившимся под его руководством, чтение книги «Подражание». За немногие лет до кончины своей он начал воспрещать

1 Воня — в переводе с церковнославянского языка «запах».

2 Имеется в виду книга Фомы Кемпийского «Подражание Христу»

3 Слово «мнение» в святоотеческой традиции означает «само-мнение, самопрельщение».

чтение ее, говоря со святой простотой: «Прежде признавал я эту книгу душеполезной; но Бог открыл мне, что она душевредна».

Такого же мнения о «Подражании» был известный деятельной монашеской опытностью иеросхимонах Леонид¹, положивший начало нравственному благоустройству в Оптиной пустыне.

Все упомянутые подвижники были знакомы мне лично.

* * *

Некий помещик, воспитанный в духе Православия, коротко знавший так называемый большой свет, то есть мир в высших слоях его, увидел однажды книгу «Подражание» в руках дочери своей. Он запретил ей чтение книги, сказав: «Я не хочу, чтобы ты последовала моде и кокетничала пред Богом». Самая верная оценка книге.

* * *

Чтобы представить с очевидностью, как превратно плотской и душевный разум понимает всё духовное, искажает его соответственно мраку падения, в котором находится, несмотря на свою земную ученость, изложим здесь вкратце клевету и злоречие на умное делание латинского монаха Варлаама и некоторых западных писателей.

Преосвященный Иннокентий в своей Церковной истории повествует, что Варлаам, Калабрийский монах, в XV веке прибыл в Солунь, город восточной греческой империи². Здесь, чтобы дей-

1 Преподобный Лев Оптинский.

2 Ныне город Салоники в Греции.

ствовать в пользу Западной Церкви под покровом Православия, он отвергся латинства.

Написав несколько сочинений в доказательство правоты Восточной Церкви, заслужил этим похвалу и доверие Императора Кантакузена. Зная же, что греческое монашество служит главным подкреплением Церкви, он хотел ослабить его, даже сокрушить, чтобы поколебать всю Православную Церковь.

С этою целью он выказал желание проводить самую строгую иноческую жизнь и лукаво склонил одного афонского пустынника открыть ему художественное упражнение Иисусовой молитвой. Получив желаемое, поверхностно, бессмысленно поняв открытое, Варлаам принял за единственную сущность дела вещественное пособие, которое Святые Отцы называют лишь некоторым пособием, а духовные видения — за видения вещественные, зримые одними телесными очами.

Он донес об этом императору как о важном заблуждении. Созван был Собор в Константинополе. Святой Григорий Палама, афонский инок и великий делатель умной молитвы, вступил в прение с Варлаамом, и силой благодати Божией победил его.

Варлаам и хула его преданы анафеме. Он возвратился в Калабрию и в латинство, оставил во многих греках, поверхностных христианах, доверие к своему учению, принес его на Запад, где хула и нелепая клевета его приняты как исповедание истины.

При утешениях — за верное, за непрелестное, за Божие принимай одно вполне невещественное духовное действие, являющееся в мире сердца, в необыкновенной тишине его, в какой-то холодной и вместе пламенной любви к ближнему и всем созданиям, любви, чуждой разгорячения и порывов, любви в Боге и Богом.

От всего вещественного отвращайся — явится ли оно очам телесным или воображению. Оживить чувства, кровь и воображение старались западные; в этом успевали скоро, скоро достигали состояния прелести и исступления, которое ими названо святостью.

Читающий их непременно заражается духом прелести, любодействует в отношении к Святой Истине — Христу, подвергает сам себя роковому определению Божественного Писания. Оно говорит: *Удаляющиеся от Тебя погибнут, Ты истребляешь всякого, изменяющего Тебе* (Пс. 72, 27).

Восточные и все чада Православной Церкви идут к святине и чистоте путем, совершенно противоположным вышеприведенному: умерщвлением чувств, крови, воображения и даже «своих мнений».

Между умом и чистотой — страной Духа — стоят сперва «образы», т.е. впечатления видимого мира, а потом мнения, т.е. впечатления отвлеченные. Это двойная стена между умом человеческим и Богом.

Из жизни образов в уме составляется плотской, а из мнений душевный разум, не приемлющие веры, не способные к живой вере, являемой дела-

ми, вообще всем поведением, и рождающей духовный разум, или разум Истины.

Потому-то нужно умерщвление и воображения, и мнений. Понимаешь ли, что мнение — прелесть. Эту прелесть Писание называет *лжеименным разумом* (1 Тим. 6, 20), т. е. произвольным ложным умствованием, присвоившим себе имя разума.

Точное и правильное понятие об Истине есть «знание», знание от видения, видения — действия Святого Духа. Когда нет знания истинного в уме, оно заменяется знанием сочиненным.

Люди часто сознаются в этом невольно, не понимая сами, какое глубокое значение имеет их сознание. Они говорят: «Принято так понимать», т. е. составили, за неимением знания точного, мнение, чуждое всякой точности.

Итак, мнение — прелесть! Избавляемся от прелести заповеданным в Евангелии самоотвержением, погублением души своей (см. Ин. 12, 25).

Погублением души названо отречение от своих мнений, от своей воли, от стяжательности, от кровных движений, от чувств — словом сказать, от всей вместе взятой прелести, обвившей всего человека, все части его, все существо его.

Прелесть так усвоилась нам, что сделалась как бы жизнью, как бы душой нашей, совершенно заглушила естество наше, как заглушают плевелы хлеб на поле, чрезмерно удобренном.

Устранение у себя прелести названо Богомудрым Писанием с необычайною правильностью: самоотвержением.

**В г. Москве, в Бибиреве, по благословению Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси строится новый большой**

ХРАМ ВО ИМЯ СОБОРА МОСКОВСКИХ СВЯТЫХ, рассчитанный на несколько тысяч прихожан

Крупных спонсоров (фирм, банков, промышленных предприятий) храмоздатели не имеют и обращаются к простым русским людям, которым небезразличны судьбы Православия в нашем Отечестве. Если этот храм сегодня не очень нужен Вам, примите участие в его строительстве ради Ваших детей и внуков. Храмоздатели хотели бы, чтобы он был построен на честные народные деньги.

Желающие помочь в этом святом деле могут перечислять пожертвования по следующим реквизитам:

ИНН 7715130579, КПП 771501001

**Приход храма прп. Сергия в Бибиреве гор. Москвы,
р/сч. 40703810500800022102 в ЗАО «ГЛОБЭКСБАНК» г. Москва,
БИК 044525243, к/сч. 30101810000000000243.**

**В графе «назначение платежа» просим указать следующее:
Пожертвование на строительство храма во имя Собора Московских святых в Бибиреве. Сумма НДС не облагается.**

**С благодарностью примем другие виды пожертвований,
в т.ч. строительными материалами и продуктами, по адресу:
129272 Москва, ул. Советской армии, д. 12, стр. 1 и 2. Спросить старосту или настоятеля.**

Тел.: 8-926-294-84-12, (495) 689-24-75, 689-23-09, 689-32-05.

E-mail: lazarevskoe@mail.ru

Также можно присылать почтовые переводы по вышеуказанному адресу на имя настоятеля, игумена Сергия (Рыбко Юрия Иосифовича). Имена всех жертвователей будут поминаться за Божественной Литургией.

Храм открыт ежедневно с 7³⁰ до 20⁰⁰.

Богослужение ежедневное в цокольном этаже — утром в 9:00, вечером в 17:00.

Адрес: ул. Костромская, 7. Проезд: м. Бибирево.

Тел: (495) 689-24-75.

СЕСТРИЧЕСТВО ВО ИМЯ СЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО,

проходящее служение ближним
по благословению Сятейшего
Патриарха Московского и всея Руси,

приглашает воцерковленных девушек, желающих приготовить себя к монашеской жизни, потрудиться в храме, находящемся в гор. Москве, и на загородном подворье храма.

- Подворье находится в уединенном живописном месте Московской области.
- Богослужение ежедневное, работа посильная, устав жизни монастырский.
- Проживание в удобных кельях.
- Устав о трапезе соответствует традициям лучших современных монастырей.
- Предоставляется возможность паломничества по святым местам, в том числе в Дальнем Зарубежье.
- Послушания посильные. Тяжелые физические работы исполняют наемные рабочие.

Обращаться по тел.: 8-926-535-61-63.

Подробности на сайте сестричества: www.ignatysestry.ru

Эл. почта: contact@ignatysestry.ru

Православному храму Святаго Духа сошествия на Лазаревском кладбище г. Москвы требуются на работу:

- Воцерковленные трудолюбивые работницы до 48 лет: работа на кухне (в т.ч. повар), уборка храма и территории, озеленительные и сельхозработы. З/п на уровне московских. Тел.: 8-926-296-97-06.
- Воцерковленная трудолюбивая девушка, умеющая ухаживать за аквариумом, домашними растениями и животными. З/п на уровне московских. Тел.: 8-926-296-97-06.
- Воцерковленные работники до 45 лет: в книжную лавку, на книжный склад, операторы ПК, экспедиторы. Тел.: 8-926-294-31-58.
- В издательство: специалист по допечатной подготовке, дизайнер-верстальщик, креативный дизайнер. Тел.: 8-926-537-59-63.
- Прораб, квалифицированные рабочие строительных специальностей, разнорабочие. Тел.: 8-926-206-70-37, с 11⁰⁰ до 20⁰⁰. E-mail: bib-str@yandex.ru

Зарплата стабильная, по договоренности. Предоставляются бесплатное жилье и питание при храме. Имеем возможность принять проживающих в отдаленных регионах.

Просьба предварительно позвонить по вышеуказанным телефонам (с 11⁰⁰ до 20⁰⁰ по московскому времени, перерыв с 13⁰⁰ до 14⁰⁰), а также по тел.: (495) 689-24-75, 689-23-09, 689-32-05 или написать по адресу: 129272, Россия, г. Москва, ул. Советской армии, д.12, стр. 1 и 2. E-mail: lazarevskoe@mail.ru

Многие подвижники, приняв естественную любовь за Божественную, разгорячили кровь свою, разгорячили и мечтательность, став несчастными жертвами самообольщения. Много было таких в Западной Церкви с того времени, как она впадала в папизм, в котором богохульно человеку воздается поклонение, подобающее единому Богу. Много эти подвижники написали книг из своего разгоряченного состояния, в котором расстроенное воображение рисовало для них множество видений, льстивших их самолюбию и гордости.

Познакомимся с Вечностью не по романтическим иностранным книжонкам, но по руководству святых писателей нашей Церкви, в которых нет ничего льстящего и обманывающего ум и сердце. Это чтение сообщает положительное познание отношений человека к Богу и научает приближаться к Нему покаянием, а не льстить себя сладостными чувствованиями мнимой духовной любви, к чему привлекают сумасбродные Фомы Кемпийские, Франсуа де Саль и тому подобные лжеучители.

Святитель
Игнатий Ставропольский